

КНУТ
ГАМСУН

Плоды земли

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ
ПРЕМИИ

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кнут Гамсун
Плоды земли

«Азбука-Аттикус»

1917

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

Гамсун К.

Плоды земли / К. Гамсун — «Азбука-Аттикус», 1917 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-25054-3

Норвежский писатель Кнут Гамсун (1859–1952) за роман «Плоды земли» был удостоен Нобелевской премии 1920 года. Крестьянин Исаак начинает постепенно обживать глухой лесной уголок, обустривая собственный быт и пространство вокруг себя. Идут годы, время наполняет их лицами и событиями: приходит и остается рядом как жена Ингер, рождаются и растут дети, расширяется хозяйство. Ошибки, беды, бюрократические ловушки, зависть чужаков не обходят стороной дом Исаака. неизменным остается одно – ежедневный созидательный тяжелый труд. Деятели, которые «не хотят идти в ногу с жизнью», «хотят обогнать ее», раскидывают сеть соблазнов, и не всем героям удастся уклониться от них, но все же главное остается неизменным, и это «жизнь по справедливости и возможностям, жизнь в доверчивом и правильном ко всему отношении».

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-389-25054-3

© Гамсун К., 1917
© Азбука-Аттикус, 1917

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кнут Гамсун

Плоды земли

Часть первая

I

Длинная, длинная тропинка стелется по болотам и уходит в леса – кто проложил ее? Мужчина, первый попавший сюда человек. До него здесь тропинки не было. Потом, одно за другим, прошли по неясным следам на мочажинах и болотах животные, и следы стали отчетливее, а там, один за другим, пронюхали о тропинке лопари и стали ходить по ней, когда им нужно было перебраться с горы на гору, чтоб проведать своих оленей. Так и образовалась тропинка чрез обширную пустошь, никому не принадлежавшую, бесхозную землю.

Человек идет на север. Он несет мешок, в нем съестные припасы да кое-какие инструменты. Человек крепок и груб, у него рыжая, жесткая, словно железная, борода и мелкие рубцы на лице и руках; где он заполучил эти шрамы – на работе или в бою? Может быть, он бежал от наказания и скрывается, может быть, он философ, ищет покоя и тишины, но как бы то ни было, он идет – человек среди этой огромной пустыни! Он все идет и идет, вокруг не слышно ни птиц, ни зверей, изредка бормочет он про себя какое-нибудь слово; «О-ох, Господи!» – говорит он. Миновав болота и выйдя на приветливую открытую полянку в лесу, он опускает на землю мешок и принимается бродить кругом, исследуя местность, немного погодя возвращается, вскидывает мешок на спину и идет дальше. Так продолжается весь день, он следит время по солнцу, спускается ночь, и он бросается в вереск, положив под голову руку.

Проходит несколько часов, и он снова отправляется в дорогу. «О-ох, Господи!» – он идет прямо на север, следит время по солнцу, закусывает сухой лепешкой с козьим сыром, пьет воду из ручья и продолжает свой путь. И этот день тоже уходит на странствие, потому что в лесу много уютных полянок и все их надо исследовать. Чего он ищет? Места, земли? Должно быть, он выходец из города, глаза у него начеку, и он внимательно глядит вокруг, иногда взбирается на пригорок и что-то высматривает. Вот и опять садится солнце.

Он шагает по западному склону длинной балки, поросшей смешанным лесом, здесь и лиственный лес, и луговинки, так тянется часами, темнеет, но вот он слышит тихое журчанье речки, и это слабое журчанье подбадривает его, как присутствие чего-то живого. Поднявшись на возвышенность, он видит внизу погруженную в сумерки долину, а дальше к югу – небо. Он укладывается спать.

Утром перед ним расстилается вольный ландшафт: лес и луговина, – он спускается в дол по зеленому откосу, далеко внизу видит излучину речки и зайца, который одним махом перескакивает через нее. Человек кивает головой, будто так и нужно, чтобы речка была не шире заячьего прыжка. Сидевшая на яйцах куропатка внезапно срывается у него из-под ног и сердито хлопчет, человек снова кивает, оттого, что здесь есть звери и птицы – это тоже хорошо! Он бродит по чернике и бруснике, по зубчатолыстым кустикам седмичника и мелким папоротникам; останавливается то тут, то там, ковыряет железкой землю и находит в одном месте чернозем, в другом – болото, удобренное многовековым листопадом и древесным перегноем. Человек кивает головой: здесь он поселится, да, так он и сделает, поселится здесь! Два дня ходит он по окрестностям, но вечерами возвращается к тому же откосу. Ночи спит на подстилке из лапника; он уже так освоился здесь, что даже устроил себе постель из лапника под выступом горы.

Самое трудное было найти место, не чье-нибудь, но его; и теперь дни стали заполняться работой. Он принялся срезать бересту в окрестных лесах, пока в деревьях еще бродил сок, клал бересту под гнет и сушил, а когда накапливалась большая куча, относил в село за много миль и продавал на постройки. Домой же, к откосу, приносил новые мешки с припасами и инструментом, муку, свинину, котел, лопату, ходил по тропинке туда и обратно, и все носил и носил. Прирожденный носильщик, он сновал по лесу, как паром между берегами; казалось, ему нравится выпавший на его долю жребий: много ходить и много носить, будто без ноши на спине жизнь была ленива и совсем ему не по душе.

Однажды он пришел, как всегда, с тяжелой ношей и, кроме того, притащил на веревке двух коз и молодого козла. Он радовался, глядя на своих коз, словно то были коровы, и ласкал их. Проходил мимо первый чужой человек, бродячий лопарь, увидел коз и понял, что попал к человеку, осевшему здесь.

– Ты насовсем тут останешься? – сказал он.

– Да, – ответил человек.

– Как тебя зовут?

– Исаак. Нет ли среди твоих знакомых работницы для меня?

– Нет. Но я поговорю там, куда иду.

– Поговори! Скажи, что у меня есть скотина, а ходить за ней некому.

Стало быть, Исаак; лопарь скажет и это, поселенец не беглый, он назвал свое имя. Он – беглый? Так его мигом бы отыскиали. Он просто неутомимый работник, запасал на зиму корм для своих коз, начал расчищать землю, разделять поля, оттаскивал камни, складывал из камней ограду. К осени он смастерил себе жилье, землянку из дерна, она была теплая, не пропускала воду, она выдержит бурю и не сгорит в огне. Он может войти в это жилище, затворить дверь и сидеть там у себя, может стоять полновластным хозяином на пороге, когда кто-нибудь проходит мимо. Землянка разделена на две половины, в одном конце жил он сам, в другом – скотина, в глубине, под выступом скалы, он устроил сеновал. Все было под рукой.

Идут мимо еще двое лопарей, отец с сыном, они останавливаются, опершись обеими руками на свои длинные посохи, и смотрят на землянку, на расчищенное место, слышат козы колокольчики на косогоре.

– Здравствуй, – говорят они, – видать, знатные люди пожаловали в эти края! – Лопари ведь всегда льстят.

– Не знаете ли вы работницы для меня? – отвечает Исаак. У него только одно это на уме.

– Работницы? Нет. Но мы поговорим.

– Будьте так добры! Скажите, что у меня есть дом, и земля, и скотина, но нет работницы, так и скажите.

Он и сам искал работницу всякий раз, когда относил в село бересту, но так и не нашел. Одна вдова да две пожилые девицы посмотрели на него, а пойти с ним не решились; отчего так вышло, Исаак не понимал. Неужели не понимал? Кому охота служить у одинокого мужчины в дальних местах, за много верст от людей, в целом дне пути от ближайшего жилья! Да и сам мужчина-то вовсе не отличался красотой или приятностью, совсем даже наоборот, а уж когда говорить начинал, то совсем не походил на тенора с возведенными к небесам глазами, а был звероват и груб голосом.

Приходилось, значит, оставаться одному.

Зимой он мастерил большие деревянные корыта, продавал их в селе и носил домой, в снег и вьюгу, мешки с едой и всяким инструментом; трудные были дни, он чуть ли не примерзал к ноше. Так как он держал скотину и ходил за нею сам, то оставлять ее надолго он не мог – и что же он тогда придумал? Голь на выдумку хитра, ум у Исаака был сильный и свежий, он упражнял его все больше и больше. Во-первых, перед уходом из дому он выпускал коз на волю, чтоб они подкормились ветками в лесу. Но придумал и другое: вешал у реки большую деревянную

посудину так, что вода, капая по капле, наполняла ее за четырнадцать часов. Полная до краев, посудина под тяжестью воды опускалась, а при этом тянула веревку, соединенную с сеновалом, там открывался люк, и падали три вязки сена: животные получали корм.

Вот как он действовал.

Остроумная выдумка, прямо-таки Божье внушение, и человек выпутался из беды. Все шло хорошо до поздней осени, но вот выпал снег, потом зарядил дождь, и опять пошел снег, снег шел не переставая, механизм стал давать сбой, посудина наполнялась талым снегом, и люк открывался прежде времени. Человек прикрыл посудину, некоторое время все опять было ладно, но когда наступила зима, водная капля замерзла, и приспособление перестало работать.

Тогда козам, как и самому человеку, пришлось обходиться без еды.

Тяжелые дни, человеку надо бы иметь помощника, но помощника не было, и все-таки он не растерялся. Продолжал работать и обустраивать свой дом, прорезал в землянке окно, вставил два стекла, в его жизни это был замечательный и радостный день – не надо зажигать очаг, и так все видно, можно сидеть в доме и мастерить деревянные корыта при дневном свете. Все шло к лучшему, ох, Господи! Он никогда не молился по молитвеннику, но мыслями часто обращался к Богу, без этого никак нельзя было обойтись. Звездное небо, шелест в лесу, одиночество, глубокие снега, земные и горные силы – все это по многу раз на дню возбуждало в нем глубокие и набожные мысли; он был грешен и богобоязнен, по воскресеньям умывался в честь праздника, но трудился, как и всегда по будням.

Пришла весна, он обработал свой маленький участок и посадил картошку. Скота прибавилось, обе козы принесли по паре козлят, с взрослыми и молодняком стало у него семь коз. Он расширил хлев с запасом на будущее и вставил окно на две створки. Становилось светлее и лучше во всех смыслах.

И вот однажды явилась помощница. Она долго бродила взад-вперед по косогору, не отваживаясь подойти; уже за вечерело, когда она насмелилась, пришла все-таки – крупная, кареглазая, дородная и сильная, с большими руками, в лопарских комагах, хотя и не лопарка, и с мешком из телячьей кожи за спиной. На вид, пожалуй, в летах, этак, не в обиду будь сказано, под тридцать.

Чего ей было бояться? Она поклонилась и торопливо промолвила:

– Мне надо за перевал, оттого я и пошла этой дорогой.

– А-а, – сказал мужчина. Он не все понял, она говорила невнятно и вдобавок отворачивала лицо.

– Да, – сказала она. – А путь страсть какой дальний!

– Верно, – ответил он. – Так ты за перевал?

– Да.

– Зачем тебе туда?

– У меня там родня.

– Вот как, у тебя там родня. Как тебя зовут?

– Ингер. А тебя?

– Исаак.

– Вот как, Исаак. Значит, ты здесь живешь?

– Да, здесь вот и живу, сама видишь.

– Пожалуй, тут неплохо, – сказала она одобрительно.

Он был малый не промах и живо смекнул, что пришла она по чьему-нибудь сказу, пожалуй, вышла из дому третьего дня и прямехонько сюда. Может, прослышала, что ему нужна работница.

– Зайди, дай отдых ногам, – сказал он.

Они вошли в землянку, поели ее припасов и попили его козьего молока; потом она сварила кофе, который принесла с собой в склянке. И перед сном они угостились кофе. Он лег, а ночью в нем вспыхнуло желанье, и он взял ее.

Утром она не ушла, не ушла и днем, суежилась по двору, подоила коз, вычистила мелким песком кастрюли и навела в доме чистоту. Она так и не ушла. Ее звали Ингер. Его звали Исаак.

И вот началась для одинокого мужчины новая жизнь.

Правда, жена его говорила невнятно и упорно отворачивалась от людей, стесняясь своей заячьей губы, но не ему на это жаловаться. Не будь этого обезображенного рта, она бы, верно, никогда не пришла к нему, заячья губа была его счастьем. А сам-то он разве уж совсем без порока? Бородатый, коренастый, Исаак походил на страшный мельничный жернов, а мимо окна носился ровно смерч. И у кого еще была такая строгость в лице! Того и гляди рассвирепееет, что твой Варавва. Хорошо, что Ингер от него не убежала.

Она не убежала. Когда он уходил и возвращался домой, Ингер встречала его у землянки, обе составляли одно – землянка и она.

Ему прибавилось заботы о лишнем человеке, но забота оправдывалась: он мог больше бывать вне дома, больше ходить по округе. Во-первых, рядом была река, отличная река, мало того что красивая с виду, так еще глубокая и быстрая, не какая-нибудь маленькая речонка, текла она, должно быть, из большого озера в горах. Он добыл рыболовные снасти, обследовал реку вверх по течению и однажды вечером вернулся домой с ведром гольцов и горных форелей. Ингер встретила его с изумлением, она была поражена, не знала, что и подумать, она всплеснула руками и сказала:

– Господи Боже милостивый! Ну уж и ты! – Она отлично заметила, что ему нравятся ее похвалы и он гордится ими, а потому прибавила еще несколько лестных слов: мол, никогда она ничего подобного не видала. И как это он умудрился!

И в других отношениях Ингер была тоже хоть куда. Правда, ума в голове у нее не бог весть сколько, однако ж у кого-то из родных остались две ее овцы с ягнятами, и она привела их. Сейчас это было самое что ни на есть нужное в землянке – овцы с шерстью и ягнятами, целых четыре штуки; скота становилось все больше и больше, вот уж поистине задачка, и диво, до чего быстро он рос в числе! В другой раз Ингер принесла кое-что из платья и всякой мелочи: зеркало, нитку красивых стеклянных бус, чесалки для шерсти и прялку. Ну если этак и дальше пойдет, скоро вся землянка будет набита от пола до потолка, им самим места не хватит! Исаак, ясное дело, радовался этим земным благам, но, по своей обычной молчаливости, был и на этот раз скуп на слова; шмыгнул к порогу, глянул, какова погода, и шмыгнул обратно. Да, можно сказать, ему здорово повезло, и он чувствовал все большую и большую влюбленность, влечение, или как это там ни назвать.

– Довольно уж тебе хлопотать! – сказал он.

– У меня в одном месте осталось еще больше этого. А еще у меня есть дядя Сиверт, слышал про него?

– Нет.

– А он богат. Общинный казначей в нашем селе.

От любви умный глупеет – Исааку захотелось на свой лад сделать ей что-нибудь приятное, и он явно перестарался.

– Вот что я тебе скажу, – сказал он, – не ходи-ка ты окучивать картошку. Я сам займусь этим вечером, как приду домой.

С этими словами он взял топор и ушел в лес.

Она слышала удары его топора в лесу, совсем недалеко от дома, и по треску догадывалась, что он валит крупные деревья. Послушав некоторое время, она пошла на поле и принялась окучивать картошку. Глупый от любви умнеет.

Вечером он вернулся, волоча за собой на веревке огромное бревно. Грубый и простодушный, Исаак шумно возился с бревном, топотал и кашлял, лишь бы она вышла и подивилась на него.

– Да ты совсем спятил! – и в самом деле воскликнула она, идя ему навстречу. – Человек ты или нет?!

Он не ответил. Чего там! Невелика штука справиться с бревном, стоит ли и говорить об этом!

– А на что тебе эта лесина? – спросила она.

– Да и сам не знаю, – небрежно ответил он.

И тут он увидел, что она уже успела окучить картошку и, стало быть, в усердии почти сравнялась с ним. Это ему не понравилось, он отвязал веревку от бревна и пошел с ней куда-то.

– Опять уходишь? – спросила она.

– Да, – сердито ответил он.

Он вернулся со вторым бревном, но на этот раз не пыхтел и не шумел, а подтащил его, как вол, к землянке и положил на землю.

За лето он перетаскал к землянке много бревен.

II

Однажды Ингер опять собрала припасов в свою телячью сумку и сказала:

– Пойду проведать своих.

– А-а, – молвил Исаак.

– Да, надо потолковать с ними кое о чем.

Исаак не сразу пошел проводить ее, а порядочно помедлил. Когда же он наконец вышел за дверь, отнюдь не выдавая своим видом любопытства и тяжелых предчувствий, Ингер уже едва виднелась на опушке леса.

– А ты вернешься? – крикнул он, не в силах совладать с собою.

– Неужто не вернусь! – отозвалась она. – Придумаешь тоже!

– А-а.

И вот он опять остался один, о-ох, Господи! Не ему, полному сил и жадному на работу, расхаживать по землянке и зря топтаться на месте, и он принялся за дело: стал ворочать бревна, обтесывать лесины с обеих сторон. Проработал до вечера, потом подоил коз и лег спать.

Пусто и тихо в землянке, тяжким молчанием веет от дерновых стен и земляного пола, глубоко и серьезно ощущает он свое одиночество. Но прялка и чесальные доски стоят на своем месте, и бусы на нитке лежат, аккуратно припрятанные на полке под потолком. Ингер ничего не унесла с собою. Но на Исаака по дурости напал в белую летнюю ночь страх темноты, и ему чудится, что бог знает кто крадется под окном. Часа в два, судя по свету, он встал и позавтракал, уплел огромный горшок каши на весь день, чтобы не тратить время на новую стряпню. И до вечера поднимал целину, вприбавок к картофельному полю.

Три дня он попеременно тесал бревна и копал землю – авось Ингер придет завтра. Не дурно бы припасти рыбы к ее возвращению, вот он и решил пойти к ней навстречу не напрямик через скалы, а кружным путем, мимо рыбалки. Он забрался в незнакомые места в скалах, тут и там высились серые горы и темно-бурые горы и валялись мелкие камни, тяжелые, словно из свинца или меди. В этих темных камнях, наверно, много добра, может, и золото есть, и серебро, он в этом ничего не смыслил, и ему было все равно. Он спустился к реке, рыба хорошо клевала ночью под звенящим комарами небом, опять набралось целое ведро гольцов и форелей, пусть-ка Ингер посмотрит! Возвращаясь утром тем же кружным путем, каким и пришел, он прихватил с собой два тяжелых камня со скалы, они были коричневые, с темно-синими крапинками, и очень тяжелые.

Ингер не вернулась. Пошли уже четвертые сутки. Он подоил коз, как в те времена, когда жил с ними один и некому было этим заняться, потом отправился к каменной россыпи и натаскал во двор большие кучи камней для ограды. У него было много грандиозных планов.

На пятый вечер он лег спать с подозрением на сердце, впрочем, ведь прялка и чесальные доски остались дома, да и бусы тоже! По-прежнему пусто в землянке, ни звука, часы тянутся бесконечно медленно, и когда со двора послышался какой-то топот, он подумал, что это ему только почудилось.

– О-ох, Господи! – вздохнул он в своей заброшенности, а такие слова Исаак никогда не произносил просто так.

Однако топот послышался снова, а немного спустя под окнами что-то промелькнуло, что-то такое с рогами, что-то живое. Он вскочил, метнулся к двери и увидел призрак.

– Бог или сатана! – пробормотал он, а такие слова Исаак произносил только в крайности. Он увидел корову, Ингер и корову, обе исчезли в хлеву.

Если б он не стоял в эту минуту на пороге и не слышал собственными ушами, как Ингер тихонько разговаривает в хлеву с коровой, он ни за что бы не поверил самому себе, но вот ведь стоит же он! В ту же секунду его охватило дурное предчувствие: спаси ее Господь, что ни говори, она необыкновенная, ну просто замечательная женщина, но что чересчур, то уж чересчур. Прялка и чесальные доски – куда ни шло, бусы уж больно красивые, ну да бог уж и с ними! Но корова, которую она нашла, может быть, где-нибудь на дороге или в загоне, – ведь хозяин непременно хватится ее и обязательно разыщет.

Ингер вышла из хлева и сказала, горделиво улыбаясь:

– А я привела свою корову!

– А-а, – ответил он.

– Меня не было так долго, потому что с ней нельзя быстро идти по горам. Она стельная.

– Так ты привела корову? – спросил он.

– Да, – ответила она, чувствуя потребность поговорить от сознания своего богатства. – Не думаешь же ты, что я вру! – прибавила она.

Исаак опасался самого худшего, но остерегся высказать свои подозрения и проговорил только:

– Поди поешь.

– Ты видел ее? Разве не красавица?

– Замечательная. Откуда она у тебя? – спросил он со всем равнодушием, на какое был способен.

– Ее зовут Златорожка. И чего это ты вздумал класть ограду? Уморишь себя работой, тем оно и кончится. Пойдем же, поглядим корову!

Они пошли в хлев, Исаак был в одном нижнем белье, но это ничего не значило. Они со всем тщанием осмотрели корову: все отметины, голову, вымя, крестец, бока – коричневая с белым, тощая.

Исаак осторожно спросил:

– Как думаешь, сколько ей лет?

– Сколько? – отозвалась Ингер. – Аккурат пошел четвертый год. Я сама ее выхаживала, и все, кто ее ни смотрел, говорили, что сроду не видали такого умного теленка. Как по-твоему, хватит у нас для нее корму?

Исаак начинал верить в то, во что ему так хотелось верить, и заявил:

– Что касемо до корма, так корма для нее хватит!

Они вернулись в землянку, поели, попили, посидели. Улеглись спать, разговаривали о корове, о великом событии:

– Разве не красивая корова? Скоро у нее будет второй теленок. А зовут ее Златорожка. Ты спишь, Исаак?

– Нет.

– Слышь-ка, она сразу меня признала и пошла за мной, словно ягненок. Мы с ней часок поспали ночью в горах.

– А-а.

– Придется все лето держать ее на привязи, а то ведь убежит, потому что корова – она корова и есть.

– Где же она была раньше? – спросил наконец Исаак.

– У моих родных. Они не хотели отдавать ее, а ребяташки заплакали, когда я ее повела со двора.

Не может того быть, чтоб Ингер умела так замечательно лгать! Значит, она говорила правду, и корова – ее собственная. Теперь на усадьбе, во дворе стало одним важным обзаведением больше, все у них теперь есть, можно сказать – ни в чем недохватки! Ох уж эта Ингер, он любил ее, и она отвечала ему взаимностью, они были неприхотливы, жили в век деревянных ложек и были счастливы. «Пора спать!» – думали они. И засыпали. Наутро просыпались для нового дня, и тут всегда находилось у них то одно, то другое, над чем помяться, и горе, и радость шли рядом, такова уж жизнь.

Взять хотя бы, для примера, эти бревна – не попробовать ли сложить из них дом? Теперь, бывая в селе, Исаак смотрел в оба и, надумав план постройки, решил поставить сруб. А разве это ему не до зарезу нужно? Во дворе прибавились овцы, прибавилась корова, коз стало много и будет еще больше, скотина уже не помещается в своем отделении в землянке, надо же найти какой-нибудь выход. И уж лучше приняться за дело сейчас, покамест цветет картошка и не начался сенокос. Ингер кое в чем ему пособит.

Ночью Исаак просыпается и встает с постели, Ингер после своего путешествия спит как убитая. Он снова идет в хлев. На сей раз он разговаривает с коровой по-другому, слова не переходят в приторную лесть, он тихонько оглаживает ее, осматривая во всех местах, нет ли где метки, тавра, нанесенного неведомым хозяином. Никакой метки он не находит и уходит из хлева с облегчением.

Вот лежат бревна. Он начинает подкатывать их, поднимает на каменную кладку, ладит проемы для окон, большой для горницы и маленький для клетки. Очень это трудно, он весь уходит в работу, позабывая о времени. Над крышей землянки появился дымок, вышла Ингер и позвала его завтракать.

– Что это ты затеваешь? – спросила она.

– Ты уж встала? – ответил Исаак.

Ох уж этот Исаак, до чего скрытный! Но ему нравится, что она спрашивает, проявляет любопытство и обращает внимание на его затеи. Поев, он не сразу уходит, задержавшись немножко в землянке. Чего он ждет?

– Да что же это я сию! – говорит он, вставая, и прибавляет: – Дел-то ведь хоть отбавляй!

– Дом, что ли, строишь? – спрашивает она. – Неужто не можешь ответить?

Он отвечает из милости, он преисполнен великой гордости оттого, что строит дом и сам со всем справляется, потому и отвечает:

– Ты ведь видишь, что строю.

– Ну да. Так, так.

– Как же не строить? – говорит Исаак. – Вот ты привела ведь корову, надо же ей хлев.

Бедняжка Ингер, Бог не наделил ее таким умом, каким наделил Исаака, свое творение. Да и было это все еще до того, как она узнала его как следует, научилась понимать его манеру говорить. Ингер сказала:

– Но ведь ты же строишь не хлев?

– Нет, – ответил он.

– Похоже больше, что ты строишь избу.

– По-твоему, так? – сказал он и взглянул на нее с напускным равнодушием, словно удивленный ее мыслью.

– Да. А скотине останется землянка?

Он подумал с минуту.

– Пожалуй, так оно будет лучше!

– Вот видишь, – победоносно проговорила Ингер, – меня тоже не так-то уж просто про-вести!

– Верно. А что ты скажешь насчет клетки при горнице?

– Клеть? Тогда у нас будет совсем как у людей. Ох, если б все так вышло!

Так оно и вышло. Исаак строил дом, рубил углы и вязал венцы, одновременно складывал очаг из подходящих камней, но эта работа ладилась плохо, и временами он бывал недоволен собой. Когда начался сенокос, ему пришлось оставить стройку, ходить по косогорам и косить траву, огромными копнами приволакивая потом домой сено. Однажды дождливым днем Исаак сказал, что ему надо сходить в село.

– Зачем тебе туда?

– Да я и сам хорошенько не знаю.

Он ушел и пропадал двое суток, вернулся с кухонной плитой – словно тяжело нагруженная баржа, проплыл он через лес с плитой на спине.

– Да ты просто себя не жалеешь! – воскликнула Ингер.

Исаак разобрал очаг, который так не подходил к новому дому, и поставил на его место плиту.

– Не у всех есть такие плиты, – сказала Ингер. – Господи, помилуй нас, грешных!

Сенокос продолжался. Исаак только и знал, что таскать сено, потому что лесная трава далеко не то, что луговая, а гораздо хуже. Поработать на стройке удавалось только в дождливые дни, она продвигалась медленно; к августу, когда все сено было уже убрано, новый дом был доведен едва до половины. В сентябре Исаак сказал, что так дальше не пойдет.

– Сбегай-ка в село и приведи на подмогу работника, – велел он Ингер.

Ингер в последнее время что-то раздалась вширь и уже не могла бегать, но, конечно же, тотчас собралась в дорогу.

Но муж ее вдруг передумал, он снова впал в гордыню, решив, что все сделает сам.

– Незачем беспокоить людей, – сказал он. – Я и один управлюсь.

– Не сдюжишь ты.

– Поможешь мне поднять бревна.

В начале октября Ингер объявила:

– Больше мне немоготу!

Что за досада, нужно ведь непременно поднять стропила, чтоб успеть покрыть дом до осенних дождей, а времени оставалось всего ничего. Что такое стряслось с Ингер? Уж не захворала ли? Изредка она варила козий сыр, но большей частью ее хватало только на то, чтобы по несколько раз на дню переносить с места на место прикол Златорожки.

– В следующий раз, как пойдешь в село, принеси большую корзину, или ящик, или что-нибудь такое, – как-то попросила Ингер.

– На что тебе? – спросил Исаак.

– Нужно, – ответила Ингер.

Он поднял стропила на веревке, Ингер только подпихивала их одной рукой, но уже само ее присутствие как будто помогало. Дело шло медленно, и хотя крыша была совсем невысокая, но балки чересчур большие и толстые для маленького домика.

Некоторое время держалась ясная осенняя погода, Ингер одна выкопала всю картошку, а Исаак успел покрыть избу до начала затяжных дождей. Козы уже переселились на ночь в

землянку к людям, и это не мешало, ничего не мешало, люди не жаловались. Исаак опять собрался в село.

– Принеси же мне большую корзину или ящик! – смиренным тоном снова попросила Ингер.

– Мне надо захватить несколько оконных стекол, которые я заказал, – сказал Исаак, – да еще две крашенные двери, – добавил он важно.

– Ну раз так, придется обойтись без корзины.

– Да на что она тебе?

– На что? Да где же у тебя глаза!

Исаак ушел из дому в глубоком раздумье и вернулся через двое суток, притащив окно, дверь для горницы и дверь для клетки, а сверх того, на груди у него висел ящик для Ингер, а в ящике – разные съестные припасы. Ингер сказала:

– Дотаскаешься ты когда-нибудь до смерти!

– Ха, до смерти? – Исаак был сейчас настолько далек от недавних мыслей о смерти, что вынул из кармана аптечный пузырек с нефтью и дал Ингер с наставлением усердно лечиться ею, чтоб поправиться. А к тому же теперь у него были окна и крашенные двери, которыми можно заняться, и он тотчас бросился их прилаживать. Ну что за двери: подержанные, правда, но заново выкрашенные красной и белой краской, они гляделись в доме, словно картинки.

Они перебрались в новый дом, а скотина расселилась по всей землянке; одну овцу с ягненком оставили при корове, чтоб той было не так скучно.

Да, много чего достигли поселенцы в этих пустынных краях, просто чудо как много.

III

Пока земля не промерзла, Исаак выбирал из нее камни и очищал от корней, ровнял луг на будущий год; когда ударил мороз, он стал ходить в лес и усердно рубил дрова.

– На что тебе столько дров? – спрашивала Ингер.

– Сам не знаю, – отвечал Исаак, но прекрасно все знал.

Густой нетронутый лес подходил вплотную к строениям, не позволяя расширить площадь под сенокос, а кроме того, Исаак рассчитывал тем или иным способом доставить дрова зимой в село и продать тем, у кого их не будет. Задумка была толковая, Исаак верил в успех, продолжая расчищать лес и рубить его на дрова. Ингер частенько приходила посмотреть, как он работает, а он делал вид, будто ему все равно и вовсе он в ней не нуждается, но она понимала, что доставляет ему удовольствие. Изредка они перебрасывались несколькими словами.

– Неужто тебе нечего больше делать, кроме как приходить сюда и мерзнуть? – говорил Исаак.

– Мне не холодно, – отвечала Ингер, – а вот ты губишь свое здоровье.

– На-ка надень мою куртку, вон она лежит!

– И надела бы, да некогда мне тут расслаиваться, когда Златорожка собралась телиться.

– Златорожка собралась телиться?

– А ты не слышишь, что ли? Как по-твоему, оставить нам теленка?

– По мне, делай как хочешь, я не знаю.

– Не след нам есть теленка! Ведь тогда у нас останется только одна корова.

– А я и не думал, что ты за то, чтоб мы съели теленка, – отвечал Исаак.

Одинокие люди, некрасивые и грубые, но сколько доброты друг к другу, к животным, к земле!

И вот Златорожка отелилась. Знаменательный день в безлюдной глуши, огромная благодать и счастье. Златорожке дали вкусного мучного пойла, и Исаак сказал:

– Муки не жалеи! – хотя притащил ее из села на собственном горбу.

Рядом с коровой лежал хорошенький теленок, красавица-телочка, тоже красно-пегая, забавно удивленная чудом, которое только что пережила. Через два года она сама станет матерью.

– Из этой телки выйдет чертовски красивая корова, – сказала Ингер, – а я даже не знаю, как бы ее назвать. – Ингер была ну чистое дитя, смекалки у нее всегда не доставало.

– Как назвать? – повторил Исаак. – Сколько ни ищи, а лучше клички, чем Сребророжка, не найдешь.

Выпал первый снег. Как только установился санный путь, Исаак отправился по деревням, ничего, по своему обыкновению, не объяснив Ингер. Вернулся он с большущим сюрпризом – с лошадей и санями!

– Сдается мне, ты не иначе как колдуешь, – сказала Ингер, – ведь не отнял же ты у кого-то лошадь?

– Отнял.

– Может, нашел?

Если б только Исаак мог сказать: моя лошадь, наша! Но он всего лишь взял лошадь на время, чтобы свезти на ней дрова.

Исаак возил в село дрова и возвращался с припасами, мукой, селедкой. А однажды привез в санях быка; он купил его баснословно дешево, потому что в селе уже началась бескормица. Бык был худой, косматый, да и голосом не вышел, но не урод и от хорошего корма должен был оправиться. Племенной бык. Ингер сказала:

– И чего только ты не притащишь!

Да, Исаак притаскивал все, что можно: доски и тес, которые выменял на бревна, точильный камень, вафельницу, всякие снасти и инструменты, и все это в обмен на дрова. Ингер пыжилась от свалившегося на нее богатства, каждый раз приговаривая:

– Никак еще что-то привез? Теперь у нас есть бык и все-все, что только можно придумать!

И однажды Исаак ответил:

– Больше ничего возить не стану!

Запасов у них теперь хватит на долгое время, они стали зажиточными людьми. Что-то затеет Исаак весной? Сотни раз вышагивал он зимой за своими дровяными возами и вот что надумал: он расчистит место за косогором, вырубит там весь лес, наготовит дров, оставит их сохнуть на лето и зимой будет накладывать на возы вдвое больше дров, чем теперь. Расчет был безошибочный. Сотни раз думал Исаак и о другом – о Златорожке: откуда она взялась, чья была раньше? Нигде не сыскать другой такой жены, как Ингер; бедовая бабенка, податливая и на все согласная; но ведь в один прекрасный день придет кто-нибудь, отберет Златорожку и уведет на веревке. А это может кончиться очень плохо. «Ведь не отнял же ты у кого-то лошадь?» – спросила Ингер. «Может, нашел?» – спросила она. Вот какая была ее первая мысль, она-то не сразу ему поверила, а ему что делать? Вот о чем он все время думал. Да и он хорош, взял да и купил быка для Златорожки, для краденной-то, глядишь, коровы!

А тут подошло время возвращать лошадь. Жалко было, лошадка была маленькая, мохнатая и очень им полюбилась.

– Как-никак, а ты переделал много дел, – сказала Ингер в утешение.

– Время-то идет к весне, когда лошадь мне особенно нужна, – ответил Исаак, – у меня для нее столько работы!

Утром он тихонько выехал из дому с последним возом дров и вернулся только на третий день. Когда он пешком приплелся домой, то уже со двора услышал доносившийся из избы какой-то странный звук и остановился на минутку. Детский плач – о-ох, Господи, что уж тут поделаешь, но все равно, это страшно и удивительно, а Ингер ни словом ни о чем не обмолвилась.

Он вошел, и первое, что бросилось ему в глаза, так это ящик, тот самый, знаменитый ящик, который он притащил домой на своей груди; теперь он свисал на двух веревках с потолка, превратившись в люльку для ребеночка. Ингер возилась, полуодетая, по хозяйству, правда, она уже успела подоить корову и коз.

Когда ребенок перестал кричать, Исаак спросил:

– Ты справилась?

– Да, справилась.

– Так.

– Он родился к вечеру, как ты уехал.

– Так.

– Только я хотела было прибраться и повесить люльку, чтоб все было готово, да насилу успела, потом сразу начались боли.

– Отчего ж ты меня не предупредила?

– Да разве ж я знала когда! Это мальчик.

– А-а, значит, мальчик.

– Никак не придумаю, как его назвать, – сказала Ингер.

Исаак увидел маленькое красненькое личико, правильное, без заячьей губы, и головку, густо поросшую волосами. Настоящий здоровый мужичок, вполне соответствующий своему званию и положению в ящике. Исаак был сам не свой, размяк, расчувствовался, перед мельничным жерновом было чудо, оно зародилось когда-то в священном тумане и в жизнь явилось с крошечным личиком, как загадка. Дни и годы превратят это чудо в человека.

– Пойди поешь, – сказала Ингер...

Исаак расчищает лес и рубит деревья на дрова. Теперь не то что вначале, теперь у него есть пила, он пилит дрова, и поленицы растут на глазах, он строит из них улицу, целый город. Ингер теперь больше привязана к дому и не может так часто навещать мужа за работой, зато сам Исаак частенько навещается домой. Надо же, этакий смешной маленький мальчишка в ящике! Исааку и в голову не приходит позаботиться о нем, к тому же он пока как есть чурбачок, пусть себе лежит-полеживает! Но разве он не человек, не может он безучастно слышать крик, да еще такой жалобный.

– Нет, нет, не бери его! – говорит Ингер. – У тебя небось руки в смоле! – говорит она.

– У меня руки в смоле? Ты с ума сошла! – отвечает Исаак. – Смолы у меня на руках не было с тех пор, как я поставил этот дом. Дай сюда мальчишку, я его уйму!

– Не надо, он сейчас сам замолчит...

В мае из-за гор к новоселам, поселившимся в глуши, приходит гостья из родни Ингер, она пришла издалека, и принимают ее радушно. Она говорит:

– Пришла посмотреть, как-то живется Златорожке, с тех пор как она ушла от нас!

– А об тебе-то, маленьком, никто и не спросит! – жалобно говорит Ингер малютке.

– Ну-ка, погляжу, какой он у тебя. Вижу, вижу, мальчишка. Лучше некуда! Подумать только, если б год тому назад мне сказали, Ингер, что я разыщу тебя здесь – с мужем, ребенком, с домом и достатком!

– Обо мне и говорить не стоит. Это все он, он взял меня такую, как я была!

– А вы повенчались? Ах, так вы еще не повенчаны!

– Повенчаемся, когда придет время крестить этого мальца, – говорит Ингер. – Мы бы уж давно повенчались, да все как-то недосуг было. Что скажешь, Исаак?

– Повенчаться-то... ну, понятно.

– Ты не сможешь, Олина, снова прийти к нам в перерыве между полевыми работами присмотреть за скотиной, пока мы съездим? – спрашивает Ингер.

– Отчего же, – обещает гостья.

– Мы тебя отблагодарим.

– Да уж знаю, знаю... Гляжу, вы опять затеяли что-то строить. И что? Неужто вам все мало?

Ингер пользуется случаем и говорит:

– Спроси его сама, мне он не говорит.

– Что я строю? – отвечает Исаак. – Так, пустяковину. На всякий случай сарай строю, вдруг понадобится. А что это ты помянула Златорожку, хочешь посмотреть ее? – спрашивает он гостью.

Они идут в хлев, показывают Олине корову и телку, а бык – бык просто чудо, гостья только головой качает, глядя на скотину и на хлев, – ну надо же, лучше не сыщешь, а уж чистота в хлеву, ну прямо замечательная.

– Я-то знаю, что до ласки и заботливого обхождения со скотиной на Ингер во всем можно положиться! – говорит женщина.

Исаак спрашивает:

– Стало быть, Златорожка раньше жила у тебя?

– Как же, еще телушкой! Правда, не у меня самой, а у моего сына, ну да ведь это все равно. У нас и посейчас в хлеву живет ее мать!

Давненько не доводилось Исааку слышать более отрадные слова, и на душе у него становится легче, он знает теперь, что Златорожка принадлежит Ингер и ему по праву. И то сказать, он уж было нашел печальный выход из своих сомнений: зарезать по осени Златорожку, выскоблить кожу, закопать рога в землю и таким образом изгладить всякие следы существования коровы Златорожки в этом мире. Теперь нужда в этом отпала. Он преисполняется гордостью за Ингер.

– Говоришь, чистюля? Другой такой чистюли не сыскать во всем свете! Просто удивительно, как мне повезло, что я раздобыл себе такую работающую жену!

– Да разве иного можно было ожидать! – отвечает Олина.

Эта пришедшая из-за гор женщина по имени Олина, скромная, с негромким голосом, толковая женщина, пробыла у них несколько дней, для спанья ей отвели клеть. Когда она собралась домой, Ингер дала ей немножко шерсти от своих овец, а она почему-то спрятала узелок от Исаака.

Ребенок, Исаак и его жена – мир опять стал прежним, день-деньской в работе, много маленьких и больших радостей: Златорожка хорошо доится, козы принесли козлят и тоже дают много молока, Ингер наварила огромное количество белых и красных сыров и поставила их созревать. Она задумала наделать столько сыров, чтоб купить на них ткацкий станок, – ох уж эта Ингер – и ткать-то она умеет!

Исаак строил сарайчик, у него, видать, тоже был свой план. Он сколотил из двойных досок пристройку к землянке, проделал в ней дверь и оконце в четыре стекла, настлал крышу из горбыля и стал ждать, пока просохнет земля и можно будет нарезать дерну. Все только самое необходимое и нужное – ни пола, ни струганых стен, но зато Исаак смастерил стойло, словно бы для коня, и сколотил ясли.

Май был на исходе. Солнце обсушило пригорки. Исаак покрыл свой сарай дерном – теперь он был полностью готов. И вот однажды утром Исаак наелся на сутки вперед, захватил с собой еще еды, вскинул на плечо мотыгу с лопатой и отправился в село.

– Принеси мне четыре локтя ситцу! – крикнула Ингер ему вдогонку.

– На что он тебе? – отозвался Исаак.

Похоже было, он ушел навсегда; каждый день Ингер смотрела на небо, определяла направление ветра, словно ждала моряка, по ночам выходила во двор и прислушивалась, подумывала даже взять ребенка и пойти разыскивать мужа. Наконец он вернулся с лошадьёю и повозкой.

– Тпр-ру! – громко сказал Исаак, подъехав к самым дверям, и хотя лошадь была смирная и весело заржала, словно почуяв в землянке знакомых, Исаак крикнул в горницу:

– Выйди-ка, поддержи лошадь!

Ингер выскочила во двор.

– Что это? – воскликнула она. – Ах, Исаак, неужто ты опять взял ее взаймы! Да где ж ты пропадал столько времени? Ведь нынче пошел шестой день, как тебя нет.

– Где ж мне быть? Пришлось походить по многим местам, прежде чем достал телегу. Поддержи-ка лошадь, говорят тебе!

– Телегу? Да ведь не купил же ты ее?!

Исаак нем, Исаак весь точно налит немотой. Он принимается вытаскивать из телеги плуг и борону, гвозди, съестные припасы, лом и мешок с ячменем.

– Как ребенок? – спрашивает он.

– Ребенку ничего не делается. Так ты, выходит, купил телегу. А я-то только и знаю, что надрываюсь ради ткацкого станка, – говорит она шутливо, обрадовавшись донельзя, что он снова дома.

Исаак опять долго молчит, весь уйдя в свои мысли: куда девать привезенные товары и орудия; по всему видать, не так-то легко найти для них место на дворе. Но когда Ингер перестала выпрашивать его и пустилась вместо того разговаривать с лошадью, Исаак нарушил молчание.

– Ты когда-нибудь видала крестьянский двор без лошади и телеги, без плуга и бороны и без всего, что к ним полагается? А раз уж ты хочешь знать, так я купил и лошадь, и телегу, и все, что в ней лежит, – ответил он.

Ингер только покачала головой да сказала:

– Спаси тебя Христос и помилуй!

А Исаак, он теперь уже не чувствовал себя маленьким и жалким, он словно бы рассчитался с женой за Златорожку, и рассчитался сполна, по-барски: пожалуйста, вот вам от нас – лошадку, да еще за наличные денежки! Его просто обуревала жажда деятельности: он снова схватился за плуг, поднял его с земли, отнес к стене избы и поставил там. Ведь здесь он распоряжается! Потом вытащил из телеги борону, лом, новенькие, только что купленные вилы, все драгоценные земледельческие орудия, истинное сокровище для новосела. Ну что ж, полное обзаведенье, теперь у него есть все, что нужно.

– Гм. Добудем как-нибудь и ткацкий станок, – сказал он, – было б у меня здоровье. Вот тебе ситец, никакого другого, кроме синего, не было.

Он прямо удержу не знал, так и расточал дары. Словно приехал из города.

Ингер говорит:

– Жалко, Олина не видала всего этого, когда была здесь.

Сущая чепуха и женское тщеславие, муж только хмыкнул в ответ на ее слова. Но, конечно, и он тоже ничего не имел против, чтоб Олина увидела все это великолепие.

Заплакал ребенок.

– Ступай к парнишке, – сказал Исаак, – лошадь уж успокоилась.

Он распрягает и ведет лошадь в конюшню – ставит свою собственную лошадь в конюшню! Он кормит, и гладит, и ласкает ее. Сколько он задолжал за лошадь и телегу? Все, всю сумму, за ним огромный долг, но к осени он обязательно расплатится. У него есть на это дрова, немножко прошлогодней бересты и, наконец, порядочный запас хороших бревен. За этим дело не станет. Позже, когда волнение и задор чуть поулеглись в его душе, он пережил много часов горьких опасений и забот, теперь ведь все зависело от лета и осени, от урожая.

Дни уходили на крестьянскую работу, сплошь на крестьянскую работу, он расчистил новые небольшие участки от корней и камней, вспахал, унавозил, заборонил, взмотыжил их и, растирая комья руками, ногами, ухаживая за землей всеми возможными способами, превра-

тил поля в бархатный ковер. Подождал еще день-другой – показалось, как будто собирался дождь, – и посеял ячмень.

Многие сотни лет предки его сеяли ячмень; это было таинство, с благоговением совершаемое в тихий и теплый безветренный вечер, лучше всего непременно к мелкому дождичку и как можно скорее после весеннего пролета диких гусей. Картофель – овощ новый, в нем не было ничего мистического, ничего от религии, его могли сажать и женщины и дети; эти земляные яблоки, вывезенные, как и кофе, из чужих краев, – вкусные и сытные, но сродни репе. Ячмень же – это хлеб, есть ячмень или нет ячменя – это жизнь или смерть. Исаак шагал с непокрытой головой, призывая имя Иисуса, и сеял; он был похож на чурбан с руками, но душой был ровно младенец. Старательно и нежно кидал он в землю пригоршню, был кроток и смиренен. Ведь прорастут эти ячменные глазки и превратятся в колосья с множеством зерен, и это происходит повсюду на земле, где сеют ячмень. В Иудее, в Америке, в долине Гудбрандсдалъ – как же огромен мир, а крошечный кусочек земли, который засеивает Исаак, – в центре всего сущего. Лучистым потоком сыпался ячмень из его ладони, небо, облачное и доброе, предвещало долгий морозящий дождь.

IV

Отсеялись, время шло к сенокосу, а женщина Олина все не появлялась.

В полевых работах наступил перерыв, Исаак приготовил к сенокосу две косы и двое граблей, приделал к телеге высокие борта, чтоб возить сено, смастерил полозья и кой-какие принадлежности для саней на зиму. Много наделал полезных дел. А что до двух полок на стене в горнице, так он и их смастерил, и теперь на них можно было класть разные вещи – и календарь, который он наконец купил, и мутовки, и не бывшие в употреблении поварешки. Ингер утверждала, что эти две полки сущая благодать!

Ингер все казалось благодатью. Вот и Златорожка не порывалась больше убежать, а преспокойно поживала себе с телятником и быком и целыми днями ходила по лесу. Вот и козы нагуляли жиру и чуть что не волочат тяжелое вымя по земле. Ингер сшила длинную рубашку из синего ситца и такой же чепчик, чудо какой хорошенький, это был крестильный наряд. Сам мальчуган лежал тут же и следил глазками за работой; мальчик был хоть куда, и когда она наконец решила назвать его Элесеусом, то и Исаак спорить не стал. Когда рубашка была готова, оказалось, что она на целых два локтя длиннее, чем надо, а каждый локоть ситца стоил денег, но что ж поделаешь, ребенок-то был первенький.

– Если твои бусы когда и могут пригодиться, так именно в этот раз! – сказал Исаак.

Ингер уже и сама о них подумала, о бусах-то, недаром же она была мать и, как все матери, глупая и гордая. На шейку мальчугану бусы не наденешь, но если нашить их на чепчик, будет очень красиво. Так она и сделала.

А Олина все не шла.

Не будь скотины, можно было бы уехать всем вместе и вернуться через три-четыре дня с окрещенным младенцем. А не будь этого самого венчания, Ингер могла бы поехать и вовсе одна.

– Не отложить ли нам пока венчание? – сказал Исаак.

Ингер ответила:

– Раньше десяти – двенадцати лет Элесеуса одного дома не оставишь и скотину ему не поручишь!

Ну, значит, надо Исааку что-нибудь придумать. Собственно, все началось как-то без начала, может быть, венчание столь же необходимо, как и крестины, почему он знает. Погода стала поворачивать на засуху, на настоящую знойную сушь; если скоро не выпадет дождь,

всходы погибнут, но на все воля Господня. Исаак собрался ехать в деревню, за кем-нибудь. Опять надо было проехать много миль.

И вся эта суматоха ради венчания и крестин! Поистине, у людей, живущих на земле, много хлопот, маленьких и больших.

Но тут пришла Олина...

Теперь они были повенчаны, ребенок окрещен. Они даже позаботились сначала повенчаться, чтоб ребенка записали законным. А сушь продолжалась, солнце жгло маленькие ячменные поля, жгло бархатные ковры муравы, а за что? На все воля Господня. Исаак скошил свои лужки, травы с них набралось совсем немного, хотя весной он их и унавозил; он выкосил косогоры и дальние луговины, он не уставал косить, сушить и возить домой сено, потому что у него была лошадь и большое стадо. А в середине июля пришлось скосить на зеленый корм и ячмень, больше он ни на что не годился. Так что теперь оставалась одна надежда на картофель!

Как же обстояло дело с картофелем? Вправду ли он только и есть что особый сорт чужеземного кофе и без него можно обойтись? О, картофель – замечательный плод, он выдерживает засуху, выдерживает сырость, а сам знай растет. Ему любая погода нипочем, он удивительно вынослив, если же за ним мало-мальски поухаживать, так он отплачивает в сам-пятнадцать. Ведь кровь у картофеля не та, что у винограда, а вот мясо как у каштана, его можно и варить, и жарить, оно на все годится. Если у человека нет хлеба, но есть картофель, он не будет голодать. Картофель можно печь в горячей золе и есть за ужином, можно сварить в воде и подать на завтрак. А каких приправ он требует? Да почти что никаких, картофель неприхотлив; кринки молока да одной селедки для него довольно. Богачи едят его с маслом, бедняки окунают в блюдечко с солью; Исаак же по воскресеньям поедал его, запивая вкусным Златорожковым молоком. Презираемый всеми, благословенный картофель!

Но теперь дело оборачивалось плохо и для картофеля.

Не счесть, сколько раз за день Исаак поглядывал на небо. Небо было синее. По вечерам частенько смахивало на дождик. Исаак входил в избу и говорил:

– Сдастся, будет-таки дождь!

Часа через два-три всякая надежда опять исчезала.

Засуха продолжалась уже семь недель, жара стояла невыносимая, картошка всю эту пору цвела сильным цветом, поражавшим своей неестественной красотой. Поля издали казались покрытыми снегом. Чем все кончится? По календарю ничего нельзя было узнать, теперешние календари ведь не чета прежним, толку от них никакого. Опять вроде бы собрался дождик. Исаак вошел в дом и сказал Ингер:

– С Божьей помощью, нынче ночью будет дождь!

– Разве на то похоже?

– Да. И лошадь мотает головой над кормушкой.

Ингер выглянула в дверь и сказала:

– Ну что ж, увидим!

Упало несколько капель. Часы текли, они поужинали, а когда Исаак ночью вышел на двор, небо было синее.

– Ах ты господи! – сказала Ингер. – Но зато к завтраму и последний ягель твой просохнет, – прибавила она, пытаясь его утешить.

Да, Исаак насобирал много ягеля самого отборного сорта. Это был драгоценный корм, он сушил его, как сено, и накрывал в лесу берестой. Оставалась неубранной только одна небольшая кучка, оттого он и ответил Ингер с таким глубоким отчаянием и безучастностью:

– Все равно не стану убирать его, хоть бы он и просох!

– Не говори глупостей-то! – сказала Ингер.

На следующий день он и в самом деле не стал убирать ягель, раз так было сказано, – не убрал, и все тут. Пусть себе лежит, дождя все равно нету, пусть себе лежит с Богом! Свезет как-нибудь перед Рождеством, если солнце не спалит его до тех пор!

Столь сильна и глубока была охватившая его обида, что сидеть на пороге, смотреть на свою землю и ощущать себя ее собственником казалось бессмысленным. Вон горят безумным цветом и сохнут картофельные поля, так пусть же и ягель лежит, где лежал, сделайте одолжение! Но Исаак при всем своем простодушии таил какую-никакую хитренькую мыслишку, может, он делал расчет на то, чтоб подразнить синее небо перед новолунием?

К вечеру опять стал как будто собираться дождь.

– Убрал бы ягель-то, – сказала Ингер.

– Зачем? – спросил Исаак, словно бы донельзя удивленный.

– Тебе бы все шутки шутить, а ведь, глядишь, дождь пойдет.

– Неужто не понимаешь, что в нынешнем году не будет дождя?

Однако ночью за окном вдруг сильно потемнело, похоже стало, будто по нему что-то потекло, намочив его. Что бы это могло быть? Ингер проснулась и сказала:

– Вот и дождь, глянь-ка на стекла!

Исаак только хмыкнул.

– Дождь? Никакой это не дождь. Не понимаю, о чем ты? – ответил он.

– Хватит уж прикидываться! – сказала Ингер.

Исаак и в самом деле прикидывался. И обманывал только самого себя. Да, это был дождь, самый настоящий большой дождь, но, хорошенько промочив Исааков ягель, он перестал. Небо опять было синее.

– Ведь я же говорил, что не будет дождя, – упрямо и не без злорадства сказал Исаак.

Для картофеля этот дождь был все равно что ничего; дни приходили и уходили, а небо по-прежнему оставалось синим. Тогда Исаак взялся за дровни и, смирив свое сердце, покорно и усердно принялся строгать полозья да оглобли, о-ох, Господи! Да, дни приходили и уходили, ребенок рос, Ингер сбивала масло и варила сыр, в сущности, не так уж оно было и страшно, один год неурожая работающим людям в деревне можно пережить. А когда миновали девять недель, дождь полил на славу, зарядил на целые сутки, шестнадцать часов кряду лил как из ведра, небеса разверзлись. Будь это недели две назад, Исаак сказал бы: «Слишком поздно!» Теперь же он заметил Ингер:

– Вот увидишь, он немножко поправит картошку!

– Еще бы, – успокоительно сказала Ингер, – он все поправит!

И правда, все будто ожило, дождь поливал каждый день, отава зазеленела, точно по волшебству. А картошка все цвела, даже сильнее, чем раньше, и на ней выросли крупные ягоды; это-то, положим, было правильно, но кто знает, что с ней делается в земле. Исаак не решался посмотреть. И вот однажды Ингер пришла с двумя десятками мелких картофелин, собранных с одного куста.

– А ей расти еще пять недель! – сказала Ингер.

Ох уж эта Ингер, всегда-то она утешит и скажет ласковые слова своим заячьим ртом. Да и говорила-то она плохо, сильно шепелявя и произнося слова с шипением, словно открывался клапан, из которого выпускали пар; но слушать ее утешения в эдакой глуши было всегда приятно. И характер у нее был жизнерадостный.

– Сделал бы еще одну кровать! – сказала она Исааку.

– Ну, – отозвался он.

– Ладно, ладно, это не к спеху, но все ж таки сделай.

Они начали рыть картошку и выкопали всю к Михайлову дню, по старинному обычаю. Год вышел средний, хороший год, опять оказалось, что картошка не так уж требовательна к погоде, а растет, несмотря ни на что, и может выдержать что угодно. Конечно, не сравнить с

настоящим средним годом, с добрым годом, когда дождей выпадает сколько надо, но ничего не поделаешь. Однажды мимо проходил лопарь и подивился, как много собрали новоселы картошки.

– В деревнях она уродилась куда как хуже, – сказал он.

У Исаака опять выдалось до наступления заморозков несколько недель на работу в поле. Скотина свободно ходила на воле и паслась, где ей вздумается. Исааку было приятно работать, слушая звон колокольчиков; правда, подчас это отвлекало его, потому что бык стал совсем баловной и то и дело раскидывал кучи ягеля, а козы куда только не карабкались за кормом, залезая даже на крышу землянки.

Маленькие и большие заботы.

Однажды Исаак слышит сердитый крик: стоя на пороге с ребенком на руках, Ингер показывает пальцем на быка и на молоденькую телку Сребророжку, которые милуются неподалеку. Исаак бросает мотыгу и бежит к ним, но поздно, беда уже случилась.

– Ишь ты, дрянь, раненько начала, всего-то год от роду, на полгода раньше положенного, чертовка эдакая!

Исаак уводит ее в хлев, но все равно – уже поздно.

– Да, да, – говорит Ингер, – но, с другой стороны, оно и к лучшему, а то, глядишь, обе коровы отелились бы по осени.

Ох уж эта Ингер, голова у нее не очень светлая, но, может быть, она и знала, что делала, выпуская утром Сребророжку вместе с быком.

Пришла зима. Ингер чесала шерсть и пряла, Исаак возил дрова, огромные возы сухих дров; весь долг был выплачен, лошадь и телега, луг и борона – все стало его собственностью. Он уезжал, захватив приготовленные Ингер козы сыры, а возвращался то с нитками, ткацким станком, мотовилом, веретеном, то с мукой и разными припасами, то с досками, тесом и гвоздями, а однажды привез лампу.

– Провалиться мне на месте, ты прямо колдун! – сказала Ингер, хотя давно уже догадывалась, что лампа вот-вот появится в доме.

Они зажигали ее по вечерам и чувствовали себя как в раю, а маленький Элесеус, наверное, думал, что это солнце.

– Посмотри, как он дивится! – говорил Исаак.

Ингер стала прясть при лампе.

Исаак привез холста на рубахи и новые комаги для Ингер. Она просила привезти разных красок для шерстяной пряжи, он и их привез. А однажды он вернулся из села с часами. Что такое? Часы! Ингер стояла как оглушенная, в течение нескольких минут не в силах вымолвить ни слова. Осторожно и бережно Исаак повесил часы на стену, поставил наугад стрелки, подтянул гири и пустил бой. Ребенок повернул глазки на гулкий звук, потом перевел их на мать.

– Да уж, можешь подивиться! – взволнованно сказала она, взяв мальчика на руки. Ведь из всех благ в здешнем уединенье ничто не могло сравниться со стенными часами, которые идут себе всю темную зиму, звонко отбивая каждый час.

Но вот все дрова свезены, Исаак опять стал уходить в лес и валить деревья, прокладывая улицы и строя деревянной город на будущую зиму. Он отходил все дальше и дальше от дома, высокий склон горы стоял уже почти совсем лысый, можно было приступить к его обработке, и теперь Исаак уже не вырубал делянки дочиста, а валил только самые старые деревья с сухими верхушками.

Разумеется, он давно понял, зачем Ингер упомянула про кровать, надо было поторопиться и не откладывать этого дела в долгий ящик. Однажды, вернувшись темным вечером домой из лесу, он узнал новость: семья прибавилась, опять мальчик, Ингер лежала в постели. И хитра же эта Ингер, утром-то все выпроваживала его в село. «Ты бы промял немножко лошадь, – сказала она, – а то знай себе долбит копытом стойло». – «Недосуг мне такой ерундой

заниматься», – ответил Исаак и ушел. Теперь-то он понял, что она просто хотела выпроводить его из дому; почему бы это? Он бы и дома пригодился.

– Почему ты никогда заранее не предупредишь? – спросил он.

– Приготовь себе постель в клети, будешь там ночевать, – ответила она.

Впрочем, приготовить постель – это еще полдела, нужно ведь и постельное белье. У них же было одно-единственное меховое одеяло, а нового не сделать до осени, когда они будут колоть барашков, но даже и тогда из двух-трех овчин вряд ли выйдет целое одеяло. Исаак здорово мерз по ночам, он пробовал зарываться в стог сена под выступом скалы, пробовал спать в хлеву у коров, чувствуя себя заброшенным и одиноким. Счастье, что стоял май, потом придет июнь, июль...

Удивительно, сколько уже сделано тут, в глуши: жилье для людей, и скотный двор, и возделанные поля – и все это за три года. А Исаак опять что-то строит? Да, новый сарай, кладовую, пристройку к избе. Весь дом сотрясался и ходил ходуном, когда он вгонял в стену восьмидюймовые гвозди. Время от времени в дверях появлялась Ингер, прося его пожалеть ребят. Ну что ж что ребята, поболтай с ними, спой им что-нибудь, дай Элесеусу крышку от ведерка, пусть тоже постучит! Больших гвоздей осталось вбить не так уж много, вот только сюда, в эти пазы, они будут держать всю пристройку. А там пойдут уж только доски и двухдюймовые гвозди, пустяковая работа.

Хочешь не хочешь, а без этого не обойтись. Ведь вот, бочки с сельдями, и мука, и все припасы хранятся в конюшне, чтоб не оставлять их под открытым небом, но свинина после этого отзывается навозом, так что без кладовой никак нельзя. А мальчуганы пусть привыкают к ударам молотка по стене. Элесеус, правда, стал какой-то худенький и бледный, зато второй сосал чисто Божий ангел, и когда не кричал, то спал. Замечательный парнишка. Исаак не перечил, когда Ингер решила назвать его Сивертом; пожалуй, так всего лучше, хотя сам он наметил было другое имя – Якоб. В иных случаях Ингер рассуждала правильно: Элесеуса назвали в честь священника из ее села, что ж, благородное имя, а Сивертом звали дядю Ингер, общинного казначея, того самого, что был холостяк, богачей и не имел наследников. Чего уж лучше, как назвать ребенка по имени этого дяди?

Опять наступил весенний перерыв в работах, все сущее на земле готовилось к встрече Троицы. Когда у Ингер был только один Элесеус, она никак не могла выбрать время, чтоб помочь мужу, – первенец поглощал все ее внимание; теперь, когда детей стало двое, она расчищала землю и делала многое другое: часами сажала картошку, посеяла морковь и репу. Такую жену не скоро найдешь. А вдобавок, разве она не ткала? Она пользовалась каждой минутой, чтоб сбегать в клеть и спустить пару шпук, чтоб вышла полушерстяная пряжа для нижнего белья на зиму. А потом окрасила ее и наткала синего и красного холста себе и ребятам, подбавила еще цветных ниток и сделала тюфяк Исааку. Все необходимые да полезные вещи, к тому же и прочные!

Ну что ж, семья новоселов крепко стала на ноги, и, если урожай выдастся хороший, им и вовсе можно будет позавидовать. Чего еще не хватает? Конечно же, сеновала и овина с молочным током, но это цель на будущее, и они ее выполнят, как и остальные цели, дай только время! Вот и маленькая Сребророжка отелилась, козы принесли козлят, овцы – ягнят; молодяжник так и кишел на пастбище. А что же люди? Элесеус уже бойко разгуливал на собственных ножках, а маленького Сиверта окрестили. Ингер? Должно быть, опять тяжелая, уж очень раздобрела. Что для нее родить еще одного ребенка? Ничего – то бишь очень много; милые малютки, она гордилась своими детьми, давая понять, что не всем Бог дает таких больших и красивых детей. Ингер усердно наверстывала молодость. У нее было обезображенное лицо, молодые годы она прожила отщепенкой, парни не смотрели на нее, хотя она умела и плясать и работать, они пренебрегали ее лаской, отворачивались, – теперь настало ее время, она развернулась, зацвела пышным цветом и носила детей. Сам Исаак, хозяин, остался тем же серьезным

и угрюмым, но ему везло, и он был доволен. До прихода Ингер он жил тяжелой и тусклой жизнью, знал только картошку да козье молоко; теперь у него было все, что мог пожелать человек в его положении.

Снова пришла засуха, снова неурожай. Лопарь Ос-Андерс, проходивший мимо со своей собакой, рассказывал, что народ в деревнях скопил ячмень на корм скоту.

– Да неужто? Стало быть, совсем уж плохо? – спросила Ингер.

– Да. Но у них был хороший улов сельдей. Дядя твой Сиверт здорово нажился.

– У него и раньше кое-что было! И в котелке и в печке!

– Точь-в-точь как и у тебя, Ингер!

– Да, слава богу, не на что пожаловаться. Что же про меня говорят дома?

Ос-Андерс качает головой: у него и слов нет, чтоб передать, льстит он.

– Если хочешь кружку парного молока, так скажи, – говорит Ингер.

– Не беспокойся! Вот разве чуточку собаке.

Появилось молоко, появился корм для собаки. Лопарь услышал музыку из горницы и насторожился:

– Что это?

– Это бьют наши часы, – отвечает Ингер, едва не лопаясь от гордости.

Лопарь опять покачал головой и сказал:

– У вас есть дом, и конь, и деньги, скажи мне, чего у вас нет!

– Да мы уж и не знаем, как благодарить Бога.

– Олина велела тебе кланяться.

– А-а! Как она поживает?

– Ничего. А где твой муж?

– Пашет.

– Говорят, он так и не купил землю? – бросает лопарь.

– Не купил? Кто это говорит?

– Люди говорят.

– Да у кого ж ее было покупать? Ведь она общая.

– Да, да.

– А поту он сколько положил на эту землю!

– Они говорят, это государственная земля.

Ингер ничего не поняла и сказала:

– Ну, может быть. Уж не Олина ли это говорит?

– Не помню кто, – ответил лопарь, шныряя по сторонам лукавыми глазами.

Ингер удивлялась, что он ничего не выпрашивает, обычно-то Ос-Андерс всегда что-нибудь выпрашивал, как все лопари; они вечно клянчат. Ос-Андерс сидит, ковыряет в своей глиняной трубке и раскуривает ее. Вот это трубка, он дымит так, что его старое сморщенное лицо выглядит словно таинственный рунический камень.

– Нет смысла спрашивать, твои ли это дети, – подлизывается он. – Они ведь похожи на тебя. Вылитая ты, когда была маленькая!

Ингер была в детстве урод и страшилище, – разумеется, глупо его слушать, но она все равно вспыхивает от гордости. Даже лопарь может обрадовать материнское сердце.

– Если б мешок твой был поменьше набит, я бы дала тебе кой-чего, – говорит она.

– Нет, не беспокойся!

Ингер с ребенком уходит в дом, а Элесеус остается с лопарем. Они отлично ладят друг с другом, в мешке у лопаря лежит что-то чудное, мохнатое, мальчик хочет потрогать. Собака возле повизгивает и взлаивает. Когда Ингер выходит с припасами, она слегка вскрикивает и садится на пороге.

– Что это у тебя? – спрашивает она.

- Ничего. Заяц.
- Я видела.
- Парнишка твой захотел посмотреть. Собака подняла его сегодня и прикончила.
- Вот тебе еда! – говорит Ингер.

V

По старинному опыту известно, что неурожаи следуют один за другим по меньшей мере два года подряд. Исаак набрался терпения и примирился с судьбой. Ячмень сторел, укос был посредственный, но картошка как будто опять выправлялась, так что хоть и плохо было, но до голода еще далеко. Исаак же вдобавок припас дрова да бревна для стройки, которые можно было свезти в село, а так как по всему побережью хорошо ловилась сельдь, то денег на покупку дров у людей было вдоволь. Уж не перст ли Провидения, что ячмень не уродился? Где бы он стал молотить его без овина и гумна? Пусть хоть перст Провидения, в конце концов, не беда.

Другое дело, что появились новые тревоги. Что такое сказал Ингер летом какой-то лопарь – что он не купил землю? Разве надо ее покупать? Зачем? Земля лежала себе полеживала, лес стоял-постайвал, он обработал ее, построил жилье в непроходимой глуши, кормил свою семью и свою скотину, никому не был должен и работал, работал без устали. Бывая в селе, он много раз собирался потолковать с ленсманом, но все откладывал разговор; ленсмана не очень хвалили, а Исаак был не так чтобы речист. Что он ему скажет, когда придет, как объяснит, в чем дело?

Однажды зимой ленсман сам приехал к новоселам, он привез с собой еще другого человека и пропасть бумаг в портфеле, – и был это сам ленсман Гейслер. Он увидел большой открытый бугор, очищенный от леса и ровно круглившийся под снегом, подумал, что все пространство также обработано, и сказал:

– Да ведь это большая усадьба, ты что же думаешь, такую штуку можно получить задаром?

Вот оно! У Исаака сердце заохолонуло от страха, и он ничего не ответил.

– Тебе бы следовало приехать ко мне и купить землю, – сказал ленсман.

– Хорошо.

Ленсман говорил об оценке, размежевании, обложении, государственном налоге, – и чем больше уяснял Исаак суть дела, тем слова ленсмана казались ему все менее и менее фантастическими. Ленсман обратился к своему спутнику и сказал:

– Ну, землемер, как велики угоды?

Но ответа он ждать не стал и записал площадь участка наугад. Спросил Исаака, сколько он привез возов сена и сколько накопал мер картофеля. А как же быть с межеванием? Ведь в лесу по пояс в сугробах межевание не проведешь, а летом сюда не добраться. Во сколько сам Исаак определяет лес и выгон?

Этого Исаак не знал; до сих пор он считал своим все, что видел. Ленсман сказал, что казна требует определить границы надела.

– Чем больше у тебя участок, тем дороже он стоит, – сказал он.

– Так.

– Да. И дадут тебе не все, сколько ты охватишь глазом, а по твоей потребности.

– Так.

Ингер принесла молока, и ленсман с землемером выпили его. Она принесла еще молока. Это ленсман-то строгий? Он даже погладил Элесеуса по голове и сказал:

– Он играет в камешки? Дай-ка мне их посмотреть. Что это? Какие тяжелые, должно быть, в них содержится какой-нибудь металл.

– Таких в горах очень много, – сказал Исаак.

Ленсман вернулся к делу.

– Наверно, тебе всего дороже земля, что идет на юг и на запад? – спросил он Исаака. – Скажем, четверть мили на юг?

– Целых четверть мили! – воскликнул его спутник.

– Не две же сотни локтей обрабатывать, – оборвал ленсман.

Исаак спросил:

– А что стоит четверть мили?

Ленсман ответил:

– Не знаю, да этого и никто не знает. Я назначу невысокую цену, ведь это глушь, за много миль от жилья и никаких средств сообщения.

– Да, но целых четверть мили! – опять вмешался землемер.

Ленсман записал четверть мили на юг и спросил:

– А в сторону гор?

– Тут надо бы дотянуть до воды. До большого озера, – ответил Исаак.

Ленсман записал.

– А к северу?

– Туда не так важно, – ответил Исаак. – Там болото и нет хорошего леса.

Ленсман записал по своему усмотрению восьмую мили.

– А на восток?

– Тоже все равно. Там сплошь горы до самой Швеции.

Ленсман записал и это.

А после этого он с минуту что-то подсчитывал и потом сказал:

– Владенье, разумеется, получилось большое, и, находишь оно возле села, ни у кого бы не хватило средств на его покупку. Я назначу за все про все сто далеров. Как ты считаешь? – спросил он землемера.

Тот ответил:

– Да разве это цена!

– Сто далеров! – воскликнула Ингер. – Не бери такого большого участка, Исаак!

– Не буду, – сказал Исаак.

– Вот и я говорю! – подхватил землемер. – Что вы станете делать с таким большим участком?

Ленсман сказал:

– Обрабатывать.

Он сидел и старательно писал, изредка в горнице раздавался плач ребенка, а ему, должно быть, не хотелось переписывать все сызнова, и так ведь попадет домой не раньше ночи, да нет, не раньше утра! Он решительно сложил бумаги в портфель.

– Иди запрягай! – сказал он землемеру. Потом повернулся к Исааку и заявил: – Честно говоря, следовало бы отвести тебе это место даром, да еще приплатить за твои труды. Я так и напишу в своем докладе. А там посмотрим, сколько с тебя возьмет казна.

Исаак – одному Богу известно, как он к этому отнесся. Он, похоже, ничего не имел против того, чтобы участок и его непомерные труды оценили высоко. Должно быть, он вовсе не считал невозможным выплатить со временем сто далеров, потому ничего и не ответил; он будет работать как и раньше, будет возделывать землю и превращать сухостой и валежник в дрова. Верхоглядом Исаак не был, на случайности не рассчитывал, он просто работал.

Ингер поблагодарила ленсмана и попросила его заступиться за них перед казной.

– Конечно. Но я ведь ничего не решаю, я только сообщаю свое мнение. Сколько лет вашему младшему?

– Ровно полгода.

– Мальчик или девочка?

– Мальчик.

Ленсман был не строгий, но беспечный и не очень добросовестный. Своего землемера и судебного пристава Бреде Ольсена он и слушать не стал, важную сделку провел кое-как, крупное дело, решающее судьбу Исаака и его жены и судьбу их потомков, быть может в бесчисленных поколениях, он закрепил письменно наобум, знай только писал. Но к новоселам он отнесся очень ласково, достал из кармана новенькую серебряную монету и вложил в ладошку маленькому Сиверту, потом кивнул головой и пошел к саням.

Вдруг он спросил:

– Как называется это место?

– Как называется?

– Ну да. Какое у него название? Надо записать название.

Об этом никто и не подумал. Ингер и Исаак только переглянулись.

– Селланро? – проговорил ленсман. Слово это просто вдруг пришло ему в голову, вряд ли даже оно вообще подходило для названия, но он повторил: – Селланро! – кивнул головой и уехал.

Все наугад – границы, цена, название...

Несколько недель спустя, приехавши в село, Исаак узнал, что у ленсмана Гейслера не все благополучно – подняли вопрос о каких-то деньгах, в которых он не смог отчитаться, и его вызывали к амтману. Вот как бывает неладно: случается, люди ковыляют по жизни на авось, пока не наткнутся на тех, что ходят с открытыми глазами!

Однажды Исаак отправился в село с одним из последних возов с дровами, а на обратном пути домой подвез на своих санях ленсмана Гейслера. Ленсман вышел из лесу с небольшим чемоданчиком в руке и сказал:

– Подвези-ка меня!

Некоторое время ехали молча. Только раз ленсман достал из кармана бутылку и хлебнул из нее, предложив и Исааку, но тот отказался.

– Боюсь, не застудить бы живот, – сказал ленсман.

Потом он заговорил о земельных делах Исаака:

– Я сразу же отослал все бумаги и дал благожелательный отзыв. Селланро – красивое название. Собственно, тебе следовало бы отвести участок бесплатно, но, если б я так написал, казна непременно бы заартачилась и сама назначила цену. Я назначил пятьдесят далеров.

– Так. Разве вы написали не сто далеров?

Ленсман сдвинул брови, припоминая.

– Насколько мне помнится, я написал пятьдесят далеров.

– Куда вы сейчас едете? – спросил Исаак.

– В Вестерботтен, в семью моей жены.

– Трудно будет добираться туда в эту пору года.

– Как-нибудь доберусь. Ты не проводишь меня немножко?

– Отчего ж. Одному плохо.

Они приехали в усадьбу к Исааку, и ленсман переночевал у них в клети. Наутро он снова хлебнул глоток из бутылки и сказал:

– Я непременно расстрою себе желудок этой поездкой!

Он был такой же, как и в прошлый свой приезд, ласково-властный, но беспечный, ничуть не озабоченный своей судьбой; может, впрочем, она была и не так уж печальна. Когда Исаак, набравшись храбрости, сказал, что обработал не весь бугор, а только небольшую его часть, несколько маленьких полосок, ленсман дал удивительный ответ:

– Я это прекрасно понял, когда был здесь в прошлый раз и писал бумаги. А возница мой, Бреде, тот ничего не понял, болван этакий. У них в министерстве есть таблица. И если такое малое количество возов сена и мер картофеля приходится на такой большой участок, какой

я показал, то по таблице выходит, что земля тут скверная, дешевая. Я сыграл тебе на руку и готов лишиться Царства Небесного за это плутовство. Нам бы надо иметь тридцать две тысячи таких молодцов, как ты. – Ленсман мотнул головой и обратился к Ингер: – Сколько времени младшему?

– Девять месяцев.

– Ага. Мальчик?

– Да.

– Но ты не теряй времени и как можно скорей покончи со всеми формальностями, – продолжал ленсман, обращаясь к Исааку. – Один человек хочет купить землю на полдороге от тебя до села, и тогда твой участок поднимется в цене. Ты купи землю вперед него, а там пусть себе поднимается. Так, по крайней мере, тебе хоть что-нибудь достанется за твои труды. Ты ведь первый тронул эту глушь.

Поблагодарив его за совет, хозяева поинтересовались, не сам ли он оформит сделку. Он ответил, что сделал все, что мог, остальное зависит от казны.

– Я еду в Вестерботтен и уже не вернусь обратно, – равнодушно заметил он.

Он дал Ингер один орт, а это было совсем не мало.

– Не забудь свезти немножко убоины моей семье, когда поедешь в село, – сказал он, – телятины или баранины, что будет. Жена тебе заплатит. Да прихвати с собой кой-когда головки две-три козьего сыру, дети мои его очень любят.

Исаак проводил его через перевал, на вершине горы лежал твердый наст, так что идти было не трудно. Исаак получил за это целый далер.

Так и ушел ленсман Гейслер и не вернулся больше в село. И Бог с ним, говорили люди, человек-то он ненадежный, как есть пройдоха. И не то чтобы знаний было мало, вовсе нет, вполне был образованный, но уж слишком широко размахивался и не церемонился с чужими деньгами. Оказалось, что Гейслер сбежал из села, получив строгое письмо от амтмана Плейма, но семье его ничего не сделали, и она еще долго продолжала спокойно жить в селе – жена и трое детей. Впрочем, недостающие деньги вскорости были присланы из Швеции, родные ленсмана перестали считаться заложниками, но по-прежнему жили на старом месте, потому что им так нравилось.

Для Исаака и Ингер этот самый Гейслер оказался вовсе не плохим человеком, наоборот. Бог весть каков-то еще будет новый ленсман, может, всю сделку с участком придется переделывать наново!

Амтман прислал в село одного из своих конторщиков, он и стал новым ленсманом – мужчина лет за сорок, сын фогта по фамилии Хейердал. По бедности он не смог стать студентом и чиновником, а пятнадцать лет просидел писарем в конторе амтмана. Не имея средств жениться, он остался холостяком; амтман Плейм получил его в наследство от своего предшественника и платил ему такое же нищенское жалованье, как и тот: Хейердал получал свое жалованье и без усталости писал. Безропотный и усталый, он был, однако ж, надежен, честен, да и работник отличный, в меру своих способностей и знаний. А сделавшись ленсманом, он начал проникаться чувством собственного достоинства.

Исаак набрался храбрости и пошел к нему.

– Дело Селланро – да, вот оно, вернулось недавно из министерства. Они там запрашивают разные сведения, ведь этот ваш Гейслер все запутал, – сказал ленсман. – Королевское министерство желает знать, нет ли на твоем участке больших, богатых морошкой болот? Есть ли строевой лес? Нет ли руды и разных металлов в окрестных горах? В деле упоминается большое горное озеро, водится ли в нем рыба? Правда, Гейслер привел кое-какие данные, но он ведь такой человек, что на него нельзя положиться, приходится все проверять заново. Я при первой же возможности приеду к тебе в Селланро, все осмотрю и произведу оценку. Сколько туда миль? Министерство требует настоящего межевания, и, разумеется, надо нам его провести.

– Раньше второй половины лета ничего не получится, – сказал Исаак.

– Как-нибудь уж сделаем. Нельзя оттягивать ответ министерству до конца лета. На днях приеду. Заодно и продам от имени казны пахотный участок еще одному человеку.

– Не тому ли, что хочет купить участок на полдороге от меня?

– Не знаю, может, и ему. Он здешний, состоит у меня землемером и приставом. Он просил разрешения на покупку еще у Гейслера, но Гейслер отказал, объяснив свой отказ тем, что тот не способен обработать даже и двухсот локтей! Тогда этот человек написал самому амтману, и теперь дело переслали для отзыва ко мне. Уж этот мне Гейслер!

Ленсман Хейердал приехал к новоселам вместе с оценщиком Бреде; они промокли, пробираясь через болота, и уж совсем вымокли, когда отправились межевать границы по талому весеннему снегу в горах. В первый день ленсман проявил большое усердие, но на второй был утомлен, рассеян и по большей части не поднимался в гору, оставаясь внизу, только покрикивал да показывал Бреде, что делать. Уже и речи не было о том, чтоб «исходить горы вдоль и поперек», а морошковые болота, объяснил он, они самым тщательным образом обследуют на обратном пути.

Министерство указало выяснить много вопросов, должно быть, опять по какой-нибудь таблице. Единственный толковый вопрос был о лесе. На участке Исаака действительно рос строевой лес, но продажного строевого леса не было, разве что он годился для домашнего употребления. Но даже и будь здесь настоящий строевой лес, кто повезет его на продажу за столько миль? Разве что такой мельничный жернов вроде Исаака, который всю зиму возил в село бревна, получая в обмен доски и тес.

Оказалось, что этот замечательный Гейслер представил доклад, которым никак нельзя было пренебречь. И вот новый ленсман изо всех сил старался поймать его на чем-нибудь и найти хоть какую ошибку, но в конце концов махнул на все рукой. Он только чаще, чем Гейслер, советовался со своим землемером и оценщиком, во всем полагаясь на его слова, а оценщик, должно быть, переменял свое отношение и усвоил себе другую точку зрения с тех пор, как сам сделался покупателем казенных земель.

– И что ты думаешь о цене? – спросил ленсман.

– Пятьдесят далеров за глаза для всякого, кто захочет купить, – ответил оценщик.

Ленсман изложил это решение красивыми словами. Гейслер писал: «Владельцу земли придется платить ежегодный налог, и он не видит для себя возможности заплатить в качестве покупной цены больше пятидесяти далеров, с рассрочкой на десять лет. Казна вольна или согласиться на его предложение, или лишить его земли и плодов его труда». Хейердал написал: «Покупщик почтительно ходатайствует пред высоким министерством о разрешении сохранить за собой землю, которая не принадлежит ему, но в которую он вложил значительный труд, за цену 50 (пятьдесят) далеров, выплачиваемую по благоусмотрению министерства».

– Думаю, мне удастся сохранить за тобой участок, – сказал ленсман Хейердал Исааку.

VI

Сегодня старого быка уведут со двора. Он превратился в сущее чудовище, да и содержать его стало чересчур дорого; Исаак решил отвести его в село, сбыть кому-нибудь и купить вместо него подходящего молодого бычка.

А затеяла все это Ингер, и Ингер, конечно, знала, что делала, выпроваживая Исаака из дому именно сегодня.

– Коли уж идти, так нынче, – сказала она. – Бык откормлен, весной на кормленную убоину хорошая цена, можно отправить его в город, а там дают страсть какие цены.

– Да, да, – ответил Исаак.

– Вот только не кинулся бы он на тебя дорогой.

На это Исаак ничего не ответил.

– Впрочем, он целую неделю пассивен на воле, огляделся и приобвык чуток.

Исаак промолчал. Но заткнул за пояс большой нож и вывел из хлева быка.

Вот это бык так бык, здоровенный, страшный, бока так и трясутся на ходу. Ноги короткие; на бегу ломает грудью кустарники, чисто паровоз. Шея мощная до безобразия, в этой шее живет слоновья сила.

– Только бы он на тебя не кинулся, – сказала Ингер.

Исаак ответил, помолчав:

– Ну что ж, тогда заколю его дорогой и отнесу в село мясо.

Ингер садится на крыльце. Ее мучают боли, лицо горит, но до ухода Исаака она держится на ногах; но вот он скрылся в лесу с быком, и Ингер громко стонет. Маленький Элесеус спрашивает:

– Маме больно?

– Да, очень.

Он подражает матери, хватается за спину и стонет. Малютка Сиверт спит.

Ингер ведет Элесеуса в горницу, усаживает на пол, дает игрушек, а сама ложится в постель. Пришел ее час. Она все время в полном сознании, следит за Элесеусом, бросает взгляд на стену, смотрит, который час. Она не кричит, почти не шевелится; в утробе у нее идет борьба, и внезапно бремя выскальзывается наружу. Почти в ту же минуту она слышит незнакомый крик, тоненький жалобный голосок, и, не в силах сохранять спокойствие, встает и смотрит на постель. Что же она видит? Лицо ее мгновенно становится серым, теряя всякое выражение, всякий смысл. Из груди вырывается стон, какой-то неестественный, нечеловеческий, похожий на рвущийся из нутра вой.

Она опускается на постель. Проходит минута, но покой не наступает, слабый писк на постели становится громче, она снова встает и смотрит: о Господи, хуже не придумаешь, никакой милости – ребенок в довершение всего девочка!

Исаак, должно быть, успел отойти от дому всего на полмили, едва ли миновал час после его ухода со двора. Десяти минут хватило на то, чтоб произвести дитя на свет и убить...

Исаак вернулся домой на третий день, ведя на привязи тощего молодого бычка, едва передвигавшего ноги; оттого так много времени ушло на дорогу.

– Ну как, все обошлось? – спросила Ингер, еще очень слабая и больная.

Все обошлось сносно. Бык вконец взбесился на последней полмиле от села, Исааку пришлось привязать его и сбегать за подмогой. Когда он вернулся, бык порвал привязь, и его целый час не могли найти. Ну да все устроилось, торговец, скупавший мясо для города, дал хорошую цену.

– А вот и новый бык, – сказал Исаак, – пусть дети подойдут и посмотрят!

Все с тем же неизменным интересом к каждому новому животному, Ингер осмотрела быка, ощупала его, спросила о цене; маленького Сиверта посадили ему на спину.

– А мне жалко старого быка, – сказала Ингер, – он был такой гладкий и умный. Хоть бы уж они зарезали его как следует!

Шли дни, заполненные обычной работой по хозяйству, скотина гуляла на воле, в пустом хлеву прорастал в ящиках и лукошках картофель, предназначенный для посадки. В этом году Исаак посеял ячменя больше прежнего и приложил все усердие, чтоб хорошенько запахать его в землю, разбил грядки для моркови и репы, а Ингер посеяла семена. Все шло по-старому.

Какое-то время Ингер носила на животе торбу с сеном, чтоб казаться толще, постепенно она уменьшала количество сена, а там и вовсе бросила торбу. В один из дней Исаак наконец заметил перемену и с удивлением спросил:

– Что же это, разве нынче ничего не будет?

– Нет, – ответила она, – не будет.

– Да ну. Отчего же?

– Так уж вышло. Неужто ты надумал распахать все, сколько глаз хватает?

– Скинула, что ли? – спросил он.

– Да.

– Так. А сама-то не хвораешь?

– Нет. Я все думаю, хорошо бы нам завести свинью.

Неповоротливый умом, Исаак ответил спустя минуту:

– Да, свинью... я и сам подумываю о ней каждую весну. Но покамест у нас не будет много картошки да ячменя, нам ее не прокормить. Посмотрим, что Бог даст нынче.

– А уж как бы хорошо иметь свинью!

– Да.

Дни проходят, побрызгивает дождь, нивы и луг чудесно зеленеют, нынче будет урожай! Мелкие и крупные события сменяют одно другое, это – еда, сон и работа, это – воскресенья с умыванием лица и расчесыванием волос. Исаак сидит в новой красной рубахе, вытканной и сшитой Ингер. Но вот размеренная жизнь потревожена крупным происшествием: где-то в скалах затерялась овца с ягненком, остальные овцы вернулись вечером домой, и Ингер сейчас же хватилась двух пропавших; Исаак отправляется на поиски. И первая мысль Исаака: раз уж случилась беда, хорошо, что случилась она в воскресенье и ему не нужно отрываться от работы. Он ищет много часов, выгон огромный, он ходит и ходит; дома все в волнение, мать коротко успокаивает детей: две овцы пропали, тише вы! Все охвачены тревогой, вся маленькая семья, даже коровы и те понимают, что происходит что-то необычное, и тревожно мычат, так как Ингер время от времени выходит во двор и громким голосом кричит в сторону леса, хотя скоро уж ночь. Это целое событие в глуши, несчастье для всей округи. Уложив детей спать, Ингер тоже отправляется на поиски. Изредка она аукает, но не получает ответа, – должно быть, Исаак зашел очень далеко.

Господи, куда ж это подевались овцы, что с ними приключилось? Уж не медведь ли их задрал? А может, волк забежал из Швеции или Финляндии? Да ничего подобного. Когда Исаак находит наконец овцу, оказывается, что она завязла в расщелине, у нее переломана нога и распорото вымя. Похоже, она попала в расщелину много часов назад, потому что, хотя и поранена довольно сильно, выщипала траву кругом себя до самой земли. Исаак вытаскивает овцу из расщелины, и она сразу начинает щипать траву. Ягненок тут же принимается сосать мать, и раненому вымени сущее лекарство, что оно опрастывается.

Исаак набирает камней и заваливает опасную расщелину, предательскую расщелину; не будет она больше ломать овцам ноги! Он снимает с себя ременные подтяжки, обвязывает ими овцу, туго притянув порванное вымя. Потом вскидывает овцу на плечо и идет домой. Ягненок бежит следом.

А дальше? Лучинки и просмоленные тряпицы. Через несколько дней овца начинает лягаться больной ногой, потому что рана затягивается, излом срастается. Так все и налаживается – до какого-нибудь нового происшествия.

Будничная жизнь, события, целиком занимающие новоселов. О, это вовсе не мелочи, это судьба, сама жизнь, от этого зависит счастье, радость, благополучие.

В промежутке между полевыми работами Исаак обтесывает новые бревна, – наверное, опять что-то задумал. Кроме того, он выламывает подходящие камни и приносит во двор; натаскав достаточно камней, складывает их грядкой. Будь это год назад или около того, Ингер заинтересовалась бы и стала бы добиваться, что такое затевает муж, но теперь она большей частью занимается своим делом и вопросов не задает. Ингер работает так же усердно, как и прежде, держит в порядке дом, детей и скотину, но она начала петь, чего раньше за ней не водилось; учит Элесеуса вечерним молитвам, этого раньше тоже не было. Исааку не хватает ее вопросов, ее любопытство и похвалы давали ему счастье и сознание своей необыкновенности,

теперь она проходит мимо и не замечает, как он убивается на работе. «Должно быть, она все-таки расстроилась в последний раз!» – думает он.

Опять приходит в гости Олина. Будь все как в прошлом году, ее встретили бы с радостью, нынче не то. Ингер с первой же минуты встречает ее недружелюбно; неизвестно по какой причине, но Ингер относится к ней враждебно.

– А я-то думала, опять попаду кстати, – деликатно замечает Олина.

– Как так?

– Да ведь надо бы крестить третьего. Разве нет?

– Нет, – отвечает Ингер, – ради этого тебе не стоило беспокоиться.

– Вот оно что!

Олина принимается расхваливать мальчиков, как они выросли, какие стали хорошенькие, Исаака, который распахал столько земли и опять как будто что-то строит, – просто чудеса, другого такого двора и не найти!

– Скажи ты мне, что ж такое он строит?

– Не знаю, спроси у него сама.

– Нет, – говорит Олина, – неудобно мне. Я только хотела посмотреть, как вы все здесь проживаете, потому что это для меня большая радость. Ну, про Златорожку-то я не стану и спрашивать и поминать, она попала куда следовало!

Некоторое время проходит в дружной болтовне, и Ингер уже не так сердита. Когда часы на стене начинают отбивать свои гулкие удары, на глазах у Олины выступают слезы, в жизни она не слышала такого боя – чисто оргán в церкви! Ингер снова преисполняется щедростью и великодушием к своей бедной родственнице и говорит:

– Пойдем в клеть, покажу тебе свою тканьину!

Олина проводит у них весь день. Она разговаривает с Исааком и расхваливает все его дела.

– Я слыхала, ты откупил по миле во все стороны, неужто нельзя было получить задаром? Кто это тебе позавидовал?

Исаак слышит похвалы, которых ему так недоставало, и опять чувствует себя человеком.

– Я у правительства откупил землю, – отвечает он.

– Ну да, ну да, только оно могло бы и не обдирать тебя, это самое правительство! Что это ты строишь?

– Сам не знаю. Так, пустяки.

– И все-то ты строишь! У тебя и двери крашенные, и часы с боем на стене, должно быть, надумал построить чистую избу?

– Будет тебе чепуху городить! – отвечает Исаак. Но он польщен и говорит Ингер: – Сварила бы каши на сливках для гости.

– Нету сливок-то, – отвечает Ингер, – я только что сбила из них масло.

– Вовсе это и не чепуха, да ведь я женщина простая, вот мне и интересно, – спешит вставить Олина. – А если это не чистая изба, тогда, значит, огромный домище – для всего твоего добра. У тебя ведь и поля, и луга, и все остальное течет молоком и медом, чисто в Библии.

Исаак спрашивает:

– А в ваших местах какие виды на урожай?

– Да ничего себе. Только бы Господь не спалил его и нынче, ох, грехи мои тяжкие! Все в Его воле и власти. Но такого замечательного урожая, как у вас, в наших местах и в помине нет, куда там!

Ингер расспрашивает про остальную родню, в особенности про дядю Сиверта, общинного казначея, он гордость семьи, у него и сети, и невода, он уж и сам не знает, что ему делать со всеми своими богатствами. Во время этого разговора Исаак отходит все дальше на задний

план, о его новых строительных затеях и вовсе позабывают. Под конец он не выдерживает и говорит:

– Раз уж тебе непременно хочется знать, Олина, так я хочу построить небольшой овин с гумном.

– Так я и думала! – отвечает Олина. – Люди, которые с умом, всегда все наперед обдумывают и все в голове держат. Речь, понятно, не о горшке и не о кружке, которые не ты выдумал. Стало быть, говоришь, овин с гумном?

Исаак – он что взрослый ребенок, ему не устоять перед лестью Олины, и он сразу попадает на удочку.

– Что касаясь до нового строения, то в нем будет гумно, так я себе наметил в мыслях, – говорит он.

– Гумно! – восторженно произносит Олина и качает головой.

– На что же нам ячмень в поле, когда его нельзя обмолотить?

– Вот это самое я и говорю: ты все обмозговываешь в голове.

Ингер опять нахмурилась, беседа мужа с гостьей, видимо, раздражает ее, она неожиданно говорит:

– Каша на сливках? Где же я тебе возьму сливок? Уж не в речке ли?

Олина чувствует опасность.

– Ингер, милая, Господь с тобой, о чем это ты? Какая еще каша на сливках? Ты и не поминай про нее! Это мне-то, которая побирается по дворам!

Исаак сидит некоторое время молча, потом говорит:

– И чего же это я расселся, мне ведь надо камни ломать для стены!

– Да уж, немало камней надо на такую стену!

– Камней-то? – отвечает Исаак. – Да сколько ни таскай, все вроде как мало!

Исаак уходит, и между женщинами снова воцаряется согласие, у них столько разговоров о деревенских делах, только часы знай бегут. Вечером Олине показывают, как выросло стадо – две коровы, да бык, да два теленка, да множество коз и овец.

– Где ж этому конец?! – вопрошает Олина, возводя глаза к небу.

Она остается у них ночевать.

А на следующий день уходит. Ей опять дают с собой узелок, и, поскольку Исаак работает на каменоломне, она делает небольшой крюк, чтоб не попасться ему на глаза.

Через два часа Олина возвращается в усадьбу; войдя в горницу, она спрашивает:

– А где Исаак?

Ингер занята стиркой. Она знает, что Олине не миновать было пройти мимо Исаака и детей в каменоломне, и сразу чувствует беду.

– Исаак? На что тебе Исаак?

– Как – на что! Да ведь я с ним не попрощалась.

Молчание. Олина вдруг бессильно опускается на скамью, словно ноги ее не держат. Еще чуть-чуть, и она грохнется в обморок – по всему видать, ей не терпится сообщить что-то из ряда вон выходящее.

Не в силах сдерживаться, Ингер поворачивает к ней полное бешенства и страха лицо.

– Ос-Андерс принес мне от тебя поклон, – говорит она. – Нечего сказать, хороший поклон!

– А что?

– Зайца.

– Да ну! – с удивительной кротостью роняет Олина.

– Не вздумай отпираться! – кричит Ингер, дико сверкая глазами. – Не то заткну тебе глотку вальком! Вот тебе!

Неужели ударила? То-то и оно. И когда Олина от первого удара не падает, а, наоборот, вскакивает и кричит:

– Берегись! Я знаю, что я про тебя знаю! – Ингер снова колотит Олину вальком и валит ее на пол, подминая под себя и давя коленками.

– Ты что же, решила убить меня? – спрашивает Олина. Прямо над собой она видит ужасный рот с заячьей губой, над ней нависла высокая крепкая женщина с тяжелым вальком в руке. Тело у Олины горит от ударов, она вся в крови, но продолжает визжать и не думает сдаваться: – Не иначе как ты решила убить меня!

– Да, решила, – отвечает Ингер и опять бьет ее. – Вот тебе! Забью до смерти!

Она совершенно уверена: Олина знает ее тайну, а остальное ей безразлично.

– Вот тебе по рылу!

– По рылу? Это у тебя рыло! – стонет Олина. – Сам Господь вырезал на твоём лице крест!

Справиться с Олиной трудно, очень трудно, Ингер поневоле останавливается, ее удары ни к чему не приводят, они только утомляют ее. Но она продолжает грозить Олине, тычет вальком прямо ей в глаза, она еще задаст ей, так задаст, что она и своих не узнает!

– Куда подевался мой косарь, вот я сейчас покажу тебе!

Она встает, словно в поисках ножа, но яростный запал уже прошел, и она только с ожесточением ругается. Олина поднимается с пола и садится на скамейку, она вся в крови, лицо желто-синее, распухшее; откинув с лица волосы, она оправляет на голове платок, отплевывается; губы у нее вздулись.

– Тварь ты этакая! – говорит она.

– Рыщешь по лесу, вынюхиваешь, – кричит Ингер, – вот на что ты потратила это время, все-таки разыскала могилку. Но лучше бы ты заодно вырыла могилу и для себя.

– Ну уж теперь погоди! – отвечает Олина, пылая жаждой мести. – Больше я тебе ничего не скажу, но уж не видать тебе горницы с клетью и часов с музыкой!

– Это не в твоей власти!

– А уж об этом мы с Олиной позаботимся!

Обе женщины кричат что есть мочи. Олина не так груба и голосиста, о нет, она почти кротка в своей жестокой злости, но въедлива и страшна.

– Куда это мой узелок подевался, не иначе как оставила его в лесу. Можешь взять назад свою шерсть, не хочу я ее брать!

– А-а, ты, может, думаешь, что я ее украла?

– Ты сама знаешь, что сделала!

Они опять кричат. Ингер считает необходимым уточнить, с которой из своих овец она настригла эту шерсть, Олина спрашивает кротко и ласково:

– Пускай так, но почему мне знать, откуда у тебя взялась эта первая овца?

Ингер называет место и человека, у которого паслись ее первые овцы с ягнятами.

– Заткнула бы лучше свою пасть! – грозит она.

– Ха-ха-ха, – усмехается Олина. У нее на все готов ответ, и она не сдается. – Мою пасть? Вспомни-ка лучше про свою! – Она тычет пальцем в уродливое лицо Ингер, обзывая ее пугалом для Бога и людей. Ингер вся кипит от ярости и, так как Олина толстая, обзывает ее в ответ жирной тетехой.

– Эдакая подлая жирнюга! Ты еще получишь от меня благодарность за зайца, которого ты мне послала!

– За зайца! Да пусть это будет самый большой мой грех! Какой он был, этот заяц?

– Какой бывает заяц?

– Аккурат как ты. Точь-в-точь. Не надо бы тебе смотреть на зайцев.

– Убирайся! – кричит Ингер. – Это ты подслала Ос-Андерса с зайцем. Я упеку тебя на каторгу!

– На каторгу! Ты и в самом деле упомянула каторгу?

– Ты завидуешь мне во всем, прямо лопаешься от зависти, – продолжает Ингер. – Ты глаз не сомкнула с тех пор, как я вышла замуж и заполучила Исаака и все, что у меня есть! Господи Боже, Отец Небесный, и чего тебе от меня надо? Разве я виновата, что твои дети нигде не могут устроиться и никуда не годятся? Невмоготу тебе видеть, что мои дети здоровы, красивы и имена у них благороднее, чем у твоих, и разве моя в том вина, что они красивее и лицом и телом, чем твои!

Если что и могло взбесить Олину, так именно эти слова. У нее было много детей, вышли они такие, какие уродились, но она превозносила и расхваливала их, приписывая им достоинства, каких они вовсе не имели, и скрывая их недостатки.

– Что это ты мелешь? – ответила она Ингер. – Другая бы от стыда давно провалилась сквозь землю! Мои дети, да они супротив твоих – все равно что светлые ангелы Божьи. И ты еще смеешь говорить о моих детях? Сызмала все семеро были созданы Божьи, а теперь все уже большие и взрослые. Не твоя это забота!

– А твоя Лиза разве не угодила в тюрьму? – спрашивает Ингер.

– Она ничего не сделала плохого, она была невинна, как цветок, – отвечает Олина. – К тому же она замужем в Бергене и, не в пример тебе, ходит в шляпке!

– А что произошло с твоим Нильсом?

– Очень мне надо отвечать тебе. У тебя-то вон один лежит в лесу, что ты с ним сделала? Убила!

– Замолчи и убирайся вон! – вопит Ингер и опять бросается на Олину.

Но Олина не прячется, даже не встает. Эта неустрашимость, смахивающая на ожесточение, снова парализует Ингер, и она только говорит:

– Придется мне, видать, разыскать косарь!

– Не трудись, – советует Олина. – Я и сама уйду. Но коли уж ты дошла до того, что выгоняешь своих родичей, то кто ты после этого – просто тварь!

– Ступай, ступай уж!

Но Олина не уходит. Женщины еще долго бранятся, и всякий раз, как часы бьют полный час или половину, Олина язвительно улыбается, приводя тем самым Ингер в бешенство. В конце концов обе несколько успокаиваются, и Олина собирается уходить.

– Путь у меня длинный, и ночь впереди, – говорит она. – Вот жалость-то, надо было мне захватить с собой еды из дому.

Ингер ничего на это не отвечает, она пришла в себя и наливает воды в чашку.

– На, оботрись, если хочешь! – говорит она Олине.

Олина понимает, что перед уходом надо привести себя в порядок, но, не зная, где у нее кровь, обтирает не те места. Ингер стоит молча, глядя на нее.

– Вот здесь, и на виске тоже! – говорит она. – Нет, на другом, ведь я же показываю!

– Почем мне знать, на какой висок ты показываешь! – отвечает Олина.

– И на губах тоже. Да ты что, никак боишься воды? – спрашивает Ингер.

Кончается тем, что Ингер собственноручно умывает избитую противницу и швыряет ей полотенце.

– Что это я хотела сказать, – совершенно мирным тоном начинает Олина, утираясь. – Как-то Исаак и дети перенесут это?

– Разве он знает? – спрашивает Ингер.

– Неужто нет! Он подошел и увидел.

– И что сказал?

– Что он мог сказать! Лишился языка, как и я.

Молчание.

– Это ты во всем виновата! – жалобно вскрикивает Ингер и разражается слезами.

- Дай бог, чтоб у меня не было других грехов.
- Я спрошу у Ос-Андерса, можешь быть уверена!
- Спроси, спроси!

Они беседуют вполне спокойно, и кажется, у Олины немного поубавилось жажды мести. Она политик высокого класса и привыкла находить нужные решения, теперь она выказывает даже некоторое сострадание: если дело это выплывет наружу, очень жалко будет Исаака и детей.

- Да, – говорит Ингер и плачет еще сильнее. – Я все думаю и думаю об этом днем и ночью.

Олина тут же выступает в роли спасительницы, предлагая свою помощь. На все то время, что Ингер будет сидеть в тюрьме, она поселится в усадьбе.

Ингер уже не плачет, она разом прислушивается, обдумывая это предложение.

- Да не будешь ты смотреть за детьми.
- Это я-то не буду смотреть за детьми? Да что ты ерунду городишь!
- Прямо уж ерунду!
- Если у меня к чему и лежит сердце, так именно к детям.
- Да, к твоим собственным, – говорит Ингер, – а уж как ты станешь обращаться с моими?

Как подумаю, что ты послала мне зайца, чтоб погубить меня, то одно только и могу сказать: ты большая грешница.

- Кто? Я? – спрашивает Олина. – Это ты про меня говоришь?

– Да, про тебя, – отвечает Ингер и опять плачет. – Ты поступила со мной как самая последняя тварь, и я тебе не верю. А кроме того, если будешь жить здесь, кончится тем, что ты уворуешь всю нашу шерсть. И все сыры пойдут на твою семью, а не на мою.

- Сама ты тварь! – говорит Олина.

Ингер плачет, то и дело вытирая глаза, изредка произносит фразу-другую. Олине, конечно, не след навязываться, она может и дальше жить у своего сына Нильса. Но когда Ингер посадят в тюрьму, Исааку и невинным малюткам придется несладко. Олина же не прочь пожить здесь и присмотреть за ними. Она изображает все в радужных красках, вовсе не так уж все и плохо.

- Пока суть да дело, подумай об этом, – говорит она.

Ингер убита. Она не переставая плачет и качает головой, не поднимая глаз от пола. Как лунатик, выходит она в кладовку и выносит гостье узелок с припасами.

- Да нет, не беспокойся, – говорит Олина.
- Не идти же тебе голодной через перевал, – отвечает Ингер.

Когда Олина уходит, Ингер бредет к двери, выглядывает во двор, прислушивается. Нет, от каменоломни не доносится ни звука. Она подходит ближе и слышит, как дети играют в камешки. Исаак сидит, зажав между колен лом, опираясь на него как на посох. Так и сидит.

Ингер крадется на опушку леса. В одном месте неподалеку она врыла в землю маленький крест, крест повален, а там, где он стоял, дерн приподнят и земля разрыта. Она садится и руками снова сгребает землю. Так и сидит.

Она пришла сюда из любопытства, взглянуть, как сильно раскопала Олина могилку, а сидит потому, что скотина еще не вернулась с пастбища домой. Она плачет и качает головой, уставясь в землю.

VII

Дни идут.

Погода стоит чудесная: то светит солнце, то перепадают дожди, по погоде и всходы. Новоселы почти закончили с покосом и собрали пропасть сена, для него не хватает уже места, они складывают сено под скальными выступами, в конюшне, под домом, освобождают сарай от

всего, что в нем есть, набивая и его до крыши. Ингер работает на равных с мужем с утра до позднего вечера. Если случается быть дождю, Исаак пользуется всяким перерывом, чтобы поскорее подвести новый сарай под крышу и, главное, закончить южную стенку, чтобы убрать в сарай все сено. Дело подвигается быстро, авось он скоро с ним управится!

Случившаяся великая беда – да, она не забылась, деяние совершено, и последствий не избежать. Все хорошее большей частью проходит бесследно, все злое всегда влечет за собой последствия. Исаак с самого начала отнесся к происшедшему очень разумно, он только и сказал жене:

– Как же ты это сделала?

На это Ингер ничего не ответила.

Немного спустя Исаак опять заговорил:

– Ты что же, задушила его?

– Да, – сказала Ингер.

– Зря ты это сделала.

– Да, – ответила она.

– И не пойму я, зачем ты это сделала?

– Она была вылитая я, – ответила Ингер.

– Как это?

– Такой же рот.

Исаак долго думал.

– Вон оно что, – промолвил он.

В тот день они больше об этом не говорили, и оттого, что дни проходили так же спокойно, как раньше, да к тому же столько накопили сена, которое надо было убрать, да ожидался такой же необыкновенный урожай, преступление мало-помалу отходило в их мыслях на задний план. Но все время оно висело над ними и над их кровом. Им не приходилось рассчитывать на молчание Олины, слишком уж оно было ненадежно. Но даже если б Олина и смолчала, заговорили бы другие, обрели бы дар слова немые свидетели – стены в избе, деревья вокруг маленькой могилки в лесу; Ос-Андерс возьмет да и намекнет об этом кое-кому, сама Ингер выдаст себя во сне или наяву. Они приготовились к самому худшему.

А что же было Исааку делать, как не принять все случившееся разумно? Он понимал теперь, почему Ингер каждый раз старалась остаться одна во время родов, одна пережить великий страх за рождение нормального ребенка, одна встретить опасность. Трижды проделывала она это. Исаак качал головой и жалел ее за злую долю. Бедняжка Ингер! Он узнал о посылке с зайцем, которую принес ей лопарь, и оправдал Ингер. Все это привело к великой нежности между ними, к сумасшедшей любви, опасность сблизил их; она была полна к нему грубоватой ласки, а он безумствовал и никак не мог насытиться ею, это он-то, мельничный жернов, чурбан! Она ходила в лопарских комагах, но лопарского в ней ничего не было, она не походила на маленьких, сморщенных лопарок, а, наоборот, была стройная и высокая. Сейчас, в летнюю пору, она ходила босая, высоко обнажив икры, и от этих голых икр Исаак не мог оторвать глаз.

Все лето она продолжала распевать псалмы и учить Элесеуса молитвам, но стала совсем не по-христиански ненавидеть всех лопарей и без стеснения выпроваживала тех, что проходили мимо их жилья.

– Может, вас подослал кто-нибудь, опять у вас, чего доброго, в мешке сидит заяц, ступайте себе мимо!

– Заяц? Какой такой заяц?

– Ты разве не слыхал, какую штуку выкинул Ос-Андерс?

– Нет.

– Ладно уж, я скажу тебе: он принес сюда зайца, когда я ходила тяжелая.

– Слыханное ли дело! Что ж, тебе вышел от этого какой-нибудь вред?

- Не твоя забота, ступай себе дальше. Вот возьми поесть и уходи подобру-поздорову!
- Не найдется ли у тебя кусочка кожи подложить под комаги?
- Нет. А вот жердью тебя угощу, если не уйдешь!

Лопарь, он клянчит тихо и смиренно, но, если ему отказать, он копит в сердце зло и мстит. Однажды мимо хутора проходили двое лопарей с двумя детьми. Послали они детей в избу попросить подавания, те вернулись ни с чем, объяснив, что в избе никого нет. Все семейство постояло немножко возле дома, побормотало что-то по-лопарски, потом мужчина сам отправился посмотреть. Он долго не возвращался. Следом за ним пошла жена, потом дети, все они набились в избу, лопоча по-лопарски. Муж сунул голову в клеть, но и там никого не было. Начали бить часы, и все семейство как замороженное замерло на месте.

Почувяв, должно быть, во дворе чужих, Ингер поспешно сбежала с косогора, а увидев, что это лопари, и лопари совсем ей незнакомые, напрямик их спросила:

- Чего вам здесь надо? Разве вы не видели, что в доме никого нет?
- Как же, – говорит лопарь.

Ингер продолжает:

- Ступайте прочь!

Семейство медленно и неохотно пятится к выходу.

– Мы остановились послушать твои часы, – говорит мужчина, – они так замечательно играют.

- Не найдется ли у тебя ломтика хлеба для нас? – просит жена.
- Откуда вы? – спрашивает Ингер.
- Из-за озера, с той стороны. Всю ночь шли.
- А куда идете?
- За перевал.

Ингер идет и отбирает им съестного; когда она возвращается, жена принимается клянчить лоскуток на шапку, моток шерсти, кусочек сыру, все-то ей нужно! Ингер некогда, Исаак с детьми остались на сенокосе.

- Ступайте себе, – говорит она.

Женщина льстит:

- Мы видели твою скотину на пастбище, вот это скотина, чисто звезды на небе!
- Замечательная! – подхватывает и муж. – Не будет ли у тебя парочки старых комаг?

Ингер запирает дверь в избу и возвращается на косогор. Тогда мужчина кричит что-то, а она притворяется, будто не расслышала, и продолжает идти, но на самом-то деле она все хорошо расслышала.

- Правда ли, что ты покупаешь зайцев?

Как тут было не понять? Лопарь, может, задал вопрос и без всякой задней мысли, просто слышал от кого-нибудь про зайца, а может, спросил и со зла; но для Ингер, во всяком случае, это было не иначе как предупреждение. Предостережение судьбы...

Дни шли. Новоселы были люди здоровые, пусть будет что будет, они делали свою работу и ждали. Они жили тесно, бок о бок, как звери в лесу, спали, ели; вот уж и новой картошки отведали, и она оказалась крупной и рассыпчатой. Удар – почему же они медлят нанести удар? Стоял конец августа, скоро сентябрь, неужели они благополучно проживут и зиму? Они были все время начеку, каждый вечер они вместе заползали в свою берлогу, радуясь, что день прошел и ничего не случилось. Так время проползло до октября, когда к ним приехал ленсман, а с ним человек с портфелем. Через их порог шагнул закон.

Дознание заняло довольно много времени, Ингер допрашивали с глазу на глаз, она ничего не отрицала, могилу в лесу разрыли, труп вынули, забрали для вскрытия. Крошечный трупик был обернут в крестильное платье Элесейуса, на голове – расшитый бусинками чепчик!

Исаак снова обрел дар речи.

– Ну вот, теперь-то уж нам будет хуже некуда, – сказал он. – А я одно говорю: зря ты это сделала.

– Да, – ответила Ингер.

– Как же ты на это пошла?

Ингер молчала.

– И как у тебя рука поднялась!

– Она была точь-в-точь как я. Тогда я свернула ей лицо на сторону.

Исаак покачал головой.

– Она сразу и померла, – продолжала Ингер и зарыдала.

Исаак помолчал.

– Ну, ну, теперь поздно плакать, – сказал он.

– У нее были темные волосики на затылке, – всхлипывала Ингер.

На этом все и кончилось.

И опять пошли дни. Ингер не арестовали, начальство отнеслось к ней милостиво, ленсман Хейердал допрашивал ее, как стал бы допрашивать всякого другого, и только сказал:

– Печально, что случаются такие вещи!

На вопрос Ингер, кто на нее донес, ленсман ответил, что никто в отдельности, но слышал он об этом деле с разных сторон от многих. Не выдала ли она себя сама какому-нибудь лопарю?

Ингер: да, она рассказывала каким-то лопарям, как Ос-Андерс пришел к ней середь лета с зайцем, и от этого у ребенка, которого она носила под сердцем, сделалась заячья губа. А не Олина ли послала зайца?

Ленсман этого не знал. Но если даже и так, он все равно не стал бы заносить в протокол пример такого невежества и суеверия.

– Моя мать тоже увидела зайца, когда меня носила, – сказала Ингер...

Овин был готов, он вышел большим, с сеновалами по обоим концам и гумном посредине. Сарай и прочие временные склады очистили, а сено снесли в овин, ячмень сжали, высушили на жердинах и тоже свезли в овин, Ингер повыдергала морковь и репу. Все было убрано. Теперь только бы жить да радоваться, у новоселов всего припасено вдоволь, Исаак опять принялся распахивать до заморозков новь, увеличивая ячменное поле, – настоящий он был пахарь; но в ноябре Ингер сказала:

– Сейчас ей бы исполнилось полгода, и она бы уже всех нас узнавала!

– Теперь уж ничего с этим не поделаешь, – отвечал Исаак.

Зимой Исаак молотил ячмень в новом овине, а Ингер долгими часами, пока дети играли на сеновале, работала с ним рядом, орудуя цепом не хуже его. Зерно выдалось крупное и полновесное. К новому году установился отличный санный путь. Исаак начал возить дрова в село, у него были уже постоянные покупатели, хорошо платившие за дрова летней сушки. Однажды он сговорился с Ингер взять поеного бычка от Златорожки и свезти его вместе с козым сыром мадам Гейслер. Мадам пришла в восторг и спросила, сколько все это стоит.

– Ничего, – отвечал Исаак. – Ленсман заплатил за все.

– Благослови его Господь, неужели заплатил! – сказала мадам Гейслер и совсем растрогалась. Она послала Элесеусу и Сиверту книжек с картинками, игрушек и печенья. Когда Исаак вернулся домой и Ингер увидела подарки, она отвернулась и заплакала.

– Что с тобой? – спросил Исаак.

– Ничего. Вскорости ей был бы годик, и она бы уж все понимала! – отвечала Ингер.

– Да, но ты ведь знаешь, какая она уродилась, – сказал Исаак, желая ее утешить. – А кроме того, может, все еще и обойдется. Я разузнал, где сейчас Гейслер.

Ингер подняла голову.

– Разве он может помочь?

– Не знаю.

Потом Исаак повез ячмень на мельницу, смолот его и вернулся домой с мукой. А там опять принялся за рубку леса, заготавливая дрова на будущий год. Жизнь его проходила в смене одной работы на другую в зависимости от времен года, от земли к лесу и от леса опять к земле. Миновало уже шесть лет, как Исаак работал на своем хуторе, а Ингер – пять, все могло бы быть хорошо, если б так продолжалось и дальше. Но этому не суждено было быть. Ингер ткала и ходила за скотом, она так же усердно пела псалмы, но, Господи, по части пения она была что колокол без языка.

Как только установился путь, ее вызвали в село для допроса. Исааку пришлось остаться дома. Пока он оставался один, он надумал съездить в Швецию и разыскать Гейслера, может, добрый ленсман опять пожалеет жителей Селланро. Но когда Ингер вернулась, оказалось, что она уже обо всем разузнала, справилась и насчет приговора: согласно параграфу первому, ей полагается пожизненное заключение. Да, она встала в самом святилище правосудия и откровенно во всем призналась, двое свидетелей из деревенских смотрели на нее жалостливо, а судья допрашивал очень ласково; но все равно ей было не устоять перед светлыми головами законников. Высокопоставленные судебские господа такие искусники, они знают всякие параграфы, выучили их наизусть и все помнят, вот какие у них светлые головы. Но и они не без здравого смысла, даже и не без сердца. Ингер не могла пожаловаться на правосудие; она не рассказала про зайца, но когда, вся в слезах, призналась, что пожалела свое уродливое дитя и потому лишила его жизни, судья тихонько и серьезно кивнул головой.

– Но у тебя самой заячья губа, – сказал он, – а ведь ты же хорошо устроилась?

– Да, слава богу, – ответила Ингер. И ничего не рассказала о тайных страданиях, пережитых в детстве и юности.

Но судья все-таки, должно быть, кое-что понял, он сам был хромоногий и не мог танцевать.

– Приговор... право, не знаю! – сказал он. – Собственно, полагается пожизненное заключение. И я не знаю, можем ли мы понизить срок и насколько, вторую ли взять нам ступень или третью – с пятнадцати лет до двенадцати или с двенадцати до девяти. Сейчас заседает комиссия по смягчению уложения о наказаниях, пока еще решения не принято. Но будем надеяться на лучшее, – сказал он.

Ингер вернулась домой в тупом спокойствии, арестовать ее признали ненужным. Прошел месяц-другой, и вот однажды вечером Исаак, вернувшись с рыбной ловли, узнал, что в Селланро побывали ленсман и новый пристав. Ингер встретила Исаака радостно и расхвалила его, хотя рыбы он принес совсем мало.

– Что это я хотел сказать, у нас тут были гости? – спросил он.

– Гости? Ты о ком?

– Я вижу свежие следы перед домом. Кто-то ходил тут в сапогах.

– Никого чужих не было, кроме ленсмана и еще одного с ним.

– Так. Чего же им было нужно?

– Сам знаешь.

– Они приезжали за тобой?

– Ну вот, за мной! Они просто привезли приговор. И скажу тебе, Исаак, Господь милостив к нам, все вышло не так, как я боялась.

– Ну, – в волнении проговорил Исаак, – значит, не так уж надолго?

– Да, всего несколько лет.

– Сколько же?

– Тебе, наверно, покажется, что много, но я-то благодарна Господу на всю жизнь!

Ингер так и не сказала, на сколько ее приговорили. Позже вечером Исаак спросил, когда за ней приедут, но она не знала или не хотела сказать. Она опять стала задумчива и все повторяла, что не представляет себе, как все пойдет без нее, – наверно, придется все-таки взять

Олину. Исаак тоже ничего другого не мог придумать. Да, кстати, куда же девалась Олина? Против обыкновения, она в этом году не наведлась в Селланро. Неужто она всерьез решила не показываться у них после того, как все им расстроила? Наступил перерыв в работах, но Олина не объявлялась. Ждет, поди, чтоб за ней послали! Небось все равно придет побираться, тварь этакая!

Наконец Олина явилась. Господи, вот ведь человек, пришла как ни в чем не бывало, словно ничего и не произошло, сказала даже, что принесла Элесеусу пару чулок с каемкой.

– Захотелось мне посмотреть, как вы тут поживаете за перевалом, – заявила она.

Оказалось, она к ним надолго, а мешок со своими пожитками опять оставила в лесу.

Вечером Ингер отвела мужа в сторонку и сказала:

– Ты, кажется, хотел попробовать разыскать Гейслера? Сейчас-то аккурат самое время.

– Да, – ответил Исаак, – раз Олина здесь, могу пойти завтра же с утра.

Ингер очень обрадовалась.

– Да захвати с собой все деньги, какие у тебя есть.

– Ты разве не можешь их спрятать?

– Нет.

Ингер сейчас же приготовила большую торбу с едой, а Исаак встал среди ночи и собрался в путь. Ингер проводила его на крыльцо и не плакала, не жаловалась, а только сказала:

– Дело в том, что за мной могут приехать в любой день.

– Ты что-нибудь знаешь?

– Откуда мне знать! Глядишь, это и не сейчас еще будет. Только бы ты нашел этого Гейслера, он, верно, что-нибудь присоветует!

Что теперь мог сделать Гейслер? Ничего. Но Исаак пошел.

Да, только... только Ингер наверняка кое-что знала, может, она же сама и позаботилась послать за Олиной. Когда Исаак вернулся из Швеции, Ингер уже увезли. При детях осталась Олина.

Для Исаака это была тяжелая весть.

– Она уехала? – громко спросил он.

– Да, – ответила Олина.

– В какой день это было?

– На другой день после того, как ты ушел.

Исаак понял, что Ингер снова хотела остаться одна в решительную для нее минуту, оттого-то и велела ему взять с собой все деньги. Ох, а Ингер и самой, наверно, понадобилась бы кое-какая мелочь в дальнюю дорогу!

Но вышло так, что мальчуганы сейчас же занялись маленьким желтеньким поросенком, которого Исаак привез с собой. Впрочем, больше ничего он и не привез! Имевшийся у него адрес Гейслера устарел, Гейслера в Швеции не было, он вернулся в Норвегию и жил в Тронхейме. А поросенка Исаак нес на руках всю дорогу из Швеции, кормил его молоком из бутылки и клал спать к себе на грудь; ему хотелось порадовать Ингер, и вот теперь с ним играют и забавляются Элесеус и Сиверт. Это несколько развеселило Исаака. Вдобавок Олина сказала: ленсман просил передать ему, что казна согласилась наконец продать Исааку Селланро и ему надо только прийти к ленсману в контору и заплатить деньги. Это было хорошее известие, оно вывело Исаака из его тяжкого уныния. Несмотря на страшную усталость, он положил в торбу припасов и сейчас же отправился в село. Наверное, в нем тлела маленькая надежда, что он еще успеет захватить там Ингер.

Сорвалось, Ингер уехала на восемь лет. На душе у Исаака стало пусто и мрачно, он едва слышал, что говорил ленсман: печально, что случаются такие вещи. Он надеется, что Ингер это послужит хорошим уроком, она изменится, исправится и не будет больше убивать своих детей!

Ленсман Хейердал в прошлом году женился. Жена его не хотела быть матерью, решив не иметь детей, благодарю покорно! У нее их и не было.

– Наконец-то мы можем покончить с делом Селланро, – сказал ленсман. – Королевское министерство согласилось на продажу приблизительно на тех условиях, что я предложил.

– Так, – сказал Исаак.

– Тянулось оно долго, но меня утешает, что мои труды не пропали даром. Все, что я изложил, прошло почти точка в точку.

– Точка в точку, – повторил Исаак и кивнул головой.

– Вот купчая, тебе остается затвердить ее на первом же заседании суда.

– Ладно, – сказал Исаак. – А сколько мне придется платить?

– Десять далеров в год. В этот пункт министерство внесло маленькое изменение – десять далеров в год вместо пяти. Не знаю, как ты к этому отнесешься.

– Только бы мне справиться, – сказал Исаак.

– Срок – десять лет.

Исаак испуганно поглядел на него.

– Иначе министерство не соглашается, – сказал ленсман. – Да это, в сущности, вовсе и не цена за такой большой участок, обработанный и обустроенный, как у тебя.

Десять далеров на этот год у Исаака имелись, он выручил их за дрова и за козий сыр, который сделала Ингер. Он уплатил деньги, и еще немножко осталось.

– Прямо счастье для тебя, что министерство не проведало о преступлении твоей жены, – сказал ленсман, – а не то, может статься, передало бы участок кому-нибудь другому.

– Так, – сказал Исаак и спросил: – Стало быть, она и впрямь на восемь лет уехала?

– Да, тут уж ничего не поделаешь, правосудие должно совершиться. Впрочем, приговор ей вынесли мягче мягкого. Теперь тебе остается одно: проводи четкие границы между своим участком и казной. Выруби лес и кустарник по прямой линии по тем вехам, что я расставил и отметил в протоколе. Дрова пойдут в твою пользу. Я приеду немного погодя посмотреть.

Исаак отправился домой.

VIII

Быстро ли идут годы? Да, для того, кто состарился.

Исаак не был стар и немощен, для него годы тянулись долго. Он работал на своей усадьбе, предоставив железной своей бороде расти, как ей заблагорассудится.

Временами череду однообразных дней в этом пустынном уголке нарушал мимохожий лопарь или какое-нибудь происшествие с одним из домашних животных, потом все снова шло по-старому. Однажды к ним пожаловала целая толпа мужчин, они сделали привал в Селланро, поели, попили молока, расспросили Исаака и Олину о тропинке через горы, сказав, что идут проводить телеграфную линию, а в другой раз приехал Гейслер – сам Гейслер. Он беспрепятственно пришел из села в сопровождении двух людей, нагруженных горным инструментом, заступами и мотыгами.

Ох уж этот Гейслер! Он был все такой же, как раньше, нисколько не изменился, поздоровался, поговорил с детьми, вошел в избу, опять вышел, оглядел землю, заглянул на скотный двор, на сеновал.

– Превосходно! – сказал он. – У тебя еще сохранились те камешки, Исаак?

– Какие камешки? – переспросил Исаак.

– Те мелкие тяжелые камни, с которыми твой мальчуган играл в тот раз, когда я был здесь?

Камни оказались в кладовке, они лежали вместо гирек на мышеловках, их тотчас принесли. Ленсман и двое чужаков стали их рассматривать и обсуждать, постукивали по ним, взвешивали на руке.

– Медная лазурь! – сказали они.

– Можешь пойти с нами в горы и показать, где ты нашел эти камни? – спросил ленсман.

Все вместе отправились в горы, и, хоть идти было недалеко, они все-таки проходили там несколько дней, взрывая в поисках металлоносных жил скалы. Домой вернулись с двумя торбами, битком набитыми каменной мелочью.

Исааку удалось заодно поговорить с Гейслером обо всех своих обстоятельствах, о покупке участка, который обошелся в сто далеров вместо пятидесяти.

– Ну, это не играет никакой роли, – легкомысленно бросил Гейслер. – У тебя в горах ценностей, может быть, на тысячи.

– Ну! – сказал Исаак.

– Только ты как можно скорее затверди купчую.

– Ладно.

– А не то, понимаешь, казна начнет с тобой тяжбу.

Исаак понял.

– Но самая большая беда у меня с Ингер, – сказал он.

– Да, – отозвался Гейслер и непривычно для себя надолго задумался. – Пожалуй, можно бы добиться пересмотра дела. Если все как следует прояснить, ей, глядишь, немножко сбавят наказание. А то можно подать прошение о помиловании, и тогда мы добьемся того же, но только скорее.

– Вы так считаете?

– Но просить о помиловании еще рано. Надо, чтоб прошло некоторое время. Что это я хотел сказать? Ах да, ты ведь отвез моей семье мяса и козьего сыра – сколько я тебе должен?

– Нисколько, вы и так уже мне много заплатили.

– Я?

– Вы ведь так помогли нам.

– Ну нет, – отрезал Гейслер и выложил на стол несколько далеров. – Возьми! – сказал он.

Этот человек ничего не хотел брать задаром, и денег у него опять было как будто вдоволь, бумажник был набит бумажками. Бог весть, так ли уж у него все замечательно.

– Она пишет, что живется ей хорошо, – продолжал Исаак, весь в мыслях о своем.

– А-а, твоя жена-то?

– Да. А с тех пор, как у нее родилась девочка... у нее ведь родилась большая и здоровенькая девочка...

– Превосходно!

– Да, с тех пор все помогают ей и, говорит, относятся к ней хорошо.

Гейслер сказал:

– Я пошлю эти камешки специалистам и узнаю, что в них есть. Если в них окажется много меди, ты получишь много денег.

– Так, – кивнул Исаак. – А через сколько времени, по-вашему, можно подать прошение о помиловании?

– Немного погодя. Я напишу за тебя. Скоро опять приеду. Ты сказал, твоя жена родила уже после того, как уехала отсюда?

– Да.

– Значит, ее увезли беременной. А этого делать они не имели права.

– Так.

– Это лишний повод, чтоб выпустить ее через некоторое время.

– Вот хорошо-то было бы! – с благодарностью проговорил Исаак.

Исаак не знал, что властям уже пришлось сочинить много длинных бумаг по поводу беременности его жены. В положенное время ее не арестовали по месту жительства по двум причинам: за неимением в селе арестного дома и из мягкосердия. Последствия оказались неожиданными. Когда за Ингер все же приехали, никто не осведомился о ее состоянии, и сама она тоже ничего не сказала. Может, она промолчала умышленно, чтоб иметь при себе ребенка в предстоящие тяжелые годы: если она будет хорошо вести себя, наверно, ей позволят когда-нибудь с ним повидаться. А может, она просто отупела и равнодушно примирилась с тем, чтобы ее увезли, несмотря на ее положение...

Исаак трудился не покладая рук – корчевал пни, пахал землю, прорубил в лесу границы между своим участком и казной, дров опять набралось на целый год. Но так как при нем уже не было Ингер, ради которой стоило бы стараться, то он лез из кожи больше по привычке, чем ради удовольствия. Он пропустил уже два судебных заседания, так и не засвидетельствовав купчей, – не лежало у него к этому сердце, – и только нынче осенью наконец собрался это сделать. Не так уж все хорошо было у него. Терпеливый и упорный – все верно, но он был терпелив и упорен, потому что так уж привык жить. Он снимал козьи и телячьи шкуры, вымачивал их в реке, обкладывал корой, выделявал на изготовление обуви. Зимой уже с первой молотбы он отбирал семена для будущей весны – пусть это будет сделано, куда как лучше, когда все сделано вовремя, он был человек порядка. Но жизнь его стала серой и одинокой, о-ох, Господи, как был, так и есть – бобыль бобылем.

Что за радость ему теперь сидеть по воскресеньям в нарядной красной рубаше, в горнице, когда не для кого стало наряжаться! Воскресенья тянулись дольше всех дней, они осуждали его на праздность и печальные мысли, ему ничего не оставалось, как только бродить по усадьбе, соображая, что еще осталось сделать. Всякий раз он брал с собой мальчуганов, неся одного из них на руках. Приятно было слушать их болтовню и отвечать на их вопросы.

Старуху Олину он держал при себе, потому что никого другого больше не было. Что и говорить, иметь в доме Олину было вовсе не так уж плохо, она чесала шерсть и пряла, вязала чулки и варежки и тоже варила козий сыр; но рука у нее была несчастливая, и работала она без любви, потому что ничто из того, к чему она прикасалась, ей не принадлежало. Вот, например, купил как-то Исаак у торговца, еще при Ингер, очень хорошенькую коробочку, она стояла на полке, затейливая глиняная коробочка с собачьей головой на крышке, должно быть табакерка; сняла как-то Олина крышку с коробочки и уронила на пол. Ингер отсадила в ящик несколько отводков фуксии, прикрыв их стеклом; Олина подняла стекло и положила опять на место, но как-то неловко и слишком плотно, – на следующий день все отводки погибли. Исааку, верно, неприятно было глядеть на все это, он, должно быть, и скривился, а так как с виду он и без того был не особенно кроткий, то, пожалуй, выражение лица у него стало не очень-то доброе. Но Олину так просто не возьмешь.

– Не нарочно ведь! – буркнула она.

– Знаю, – ответил Исаак, – но ты бы лучше не трогала.

– Больше я не прикаснусь к ее цветам, – сказала Олина. Но они уже все равно погибли.

И почему это лопари стали теперь захаживать в Селланро гораздо чаще, чем прежде? Ос-Андерс – какие такие у него тут дела, неужто он не может просто пройти мимо? За одно лето он дважды ходил через перевал, а ведь у Ос-Андерса не было оленей, за которыми надо присматривать, он кормился подаванием и жил из милости у других лопарей. Стоило ему появиться на хуторе, как Олина тотчас бросала работу и принималась сплетничать с ним о знакомых сельчанах, а когда он уходил, мешок у него бывал туго набит всякой всячиной. Исаак угрюмо молчал два года.

Но вот Олине опять понадобились новые ботинки, и тут уж он не стал молчать. Была осень, Олина же каждый день трепала ботинки, вместо того чтоб ходить в комагах или деревянных башмаках. Исаак сказал:

– Нынче хорошая погода. Гм! – Это для начала.

– Да, – ответила Олина.

– Послушай-ка, Элесеус, разве утром на полке было не десять сыров? – спросил Исаак.

– Да, десять, – ответил Элесеус.

– А сейчас только девять.

Элесеус снова пересчитал сыры, задумался ненадолго и вдруг вспомнил:

– Ну да, а еще тот, что унес Ос-Андерс, вот и будет десять.

В горнице воцарилось молчание. Маленький Сиверт тоже принялся считать и повторил за братом:

– Вот и будет десять.

Снова воцарилось молчание. Олине ничего не оставалось, как объясниться:

– И что из того, что я дала ему крошечный сырок? А детям еще рано соваться не в свои дела. Теперь-то понятно, в кого они уродились! И уж точно, что не в тебя, Исаак.

На этот намек никак нельзя было не ответить.

– Дети такие, как надо. А вот ты скажи мне, какие такие благодеяния оказал Ос-Андерс мне и моей семье?

– Благодеяния? – переспрашивает Олина.

– Да.

– Он-то, Ос-Андерс? – говорит она.

– Да. За что это я должен давать ему козы сыры?

Но Олина уже пришла в себя и дает следующий ответ:

– Господь с тобой, Исаак! Да разве это я привадила Ос-Андерса? Помереть мне на этом месте, если я когда с ним заговаривала!

Блестяще. Исаак вынужден сдаться, как и много раз прежде.

Олина же и не думает сдаваться!

– А коли я должна ходить на зиму глядя босая и не иметь божеской обутки на ноги, то ты мне так и скажи. Я говорила тебе про ботинки и три, и четыре недели назад, но их и в помине нет, а я как ходила босая, так и хожу.

– А что такое приключилось с твоими деревянными башмаками, что ты их не носишь? – спрашивает Исаак.

– Что с ними приключилось? – недоумевает Олина.

– Да, позволь спросить.

– С деревянными башмаками?

– Да.

– Ты вот не заговариваешь о том, что я чешу шерсть и пряду, и хожу за скотиной, и держу детей в чистоте, об этом ты не заговариваешь! А ведь и жена твоя, которая попала в тюрьму, даже та, кажись, не ходила босиком по снегу.

– Она ходила в деревянных башмаках, – ответил Исаак. – А когда шла в церковь или к приличным людям, надевала комаги, – сказал он.

– Да, да, – отозвалась Олина, – этак ведь куда роскошней!

– Вот-вот. А летом вкладывала в комаги сухую осоку. Ты же круглый год расхаживаешь в чулках и ботинках!

Олина сказала:

– Что до этого, так мои деревянные башмаки, наверное, скоро вконец износятся. Вот уж не думала, что стану стаптывать такие хорошие башмаки ради чужих дел. – Она говорила тихим елейным голосом, глаза у нее были полузакрыты, а вид ласковый и коварный. – Эта твоя Ингер, – продолжала она, – мы ее звали подкидышем, – она только и знала, что терлась около моих детей и научилась кой-чему за все те годы. И вот теперь нам за это благодарность. Моя

дочь в Бергене ходит в шляпке, может, и Ингер тоже поехала на юг, в Тронхейм, чтоб купить себе шляпку, хе-хе.

Исаак встал, намереваясь уйти. Но Олина уже дала волю своему сердцу, всей своей годами копившейся черной злобе, вся она была словно воплощение тьмы и мрака; ни у одной из ее дочерей, заявила она, лицо не разорвано, словно у мечущего пламя хищного зверя, вот и вышли они честные и добропорядочные. Не все ведь так хватко умеют убивать детей!

– Поосторожнее! – крикнул Исаак и, чтоб прояснить свою мысль, прибавил: – Экая чертова баба!

Но Олина и не собиралась осторожничать, ха-ха-ха! – Олина ухмыльнулась, закатила глаза к потолку, давая понять, какое это, в сущности, безобразие – ходить себе как ни в чем не бывало с заячьей губой среди других людей. Надо же иметь совесть!

Исаак был несказанно рад, когда ему удалось наконец вырваться из дома. И что же ему оставалось делать, как не купить Олине ботинки? Один в этой лесной глухомани, он не мог, как другие равные богам счастливицы, скрестить руки на груди и заявить служанке: «Уйди!» Столь ему необходимая, она была в полной безопасности, что бы ни сказала и что бы ни сделала.

Ночи стоят прохладные и лунные, болота застывают так, что при необходимости могут выдержать и человека, за день солнце опять растапливает их, и они снова становятся непроходимыми. В одну из таких холодных ночей Исаак отправляется в село заказать Олине ботинки. Он несет с собой два козых сыра для мадам Гейслер.

На полдороге к селу уже поселился новый сосед. Должно быть, человек со средствами: дом ему строили плотники из села, и вдобавок он нанял работника вспахать полоску песчаной земли под картошку; сам он работал мало, а то и вовсе не работал. Это был Бреде Ольсен, подручный ленсмана и пристав, к которому обращались всякий раз, когда надо было послать за доктором или когда жена пастора собиралась заколоть свинью. Ему еще не исполнилось и тридцати, а кормить приходилось четверых детей, не считая жены, которая и сама-то была не лучше ребенка. Да, средств у Бреде было, верно, не очень много, не много наживешь, служа всем затычкой да разъезжая по округе и составляя описи за недоимки; и вот он решил заняться земледелием. Под дом свой на хуторе он взял ссуду в банке. Участок его назывался Брейдаблик, это жена ленсмана Хейердала придумала такое красивое название.

Исаак быстро проходит мимо, не завернув к соседу, но окно в доме облеплено детскими лицами, хотя еще совсем рано. Исаак торопится, ему хочется следующей ночью дойти до этого же места. Человеку в глуши много есть о чем подумать и ко многому приходится приспосабливаться. Сейчас у него на уме не столько работа, как он скучает по мальчуганам, оставшимся дома с Олиной.

Дорогой он вспоминает, как впервые появился в этих местах. Время идет своей чередой, последние два года тянулись долго; много чего было хорошего в Селланро, кое-чего было и плохого, о-ох, Господи! Вот, стало быть, и еще один хуторок появился в тутошней глуши, Исаак признал это место, одно из тех удобных мест, которые он сам отыскал тогда на своем пути, но в конце концов прошел мимо. Оно ближе к селу, это правда, но лес здесь не так хорош; местность ровная, но болотистая; землю легко поднять, но трудно копать. Вспаханное болото еще ведь не поле! И что это значит, неужто Бреде не думает устроить навес сбоку сеновала для инструмента и повозок? Исаак заметил, что телега стоит посреди двора, под открытым небом.

С сапожником он обо всем договорился, а мадам Гейслер, оказывается, уехала, поэтому сыры он продал торговцу. Вечером он отправляется домой. Мороз все крепчает, так что идти легко, но на душе у Исаака тяжело. Бог весть когда теперь придет Гейслер, раз и жена его уехала, – может, вовсе никогда не вернется. Ингер нету, а время идет.

На обратном пути он тоже не заходит к Бреде, нет, он делает крюк и обходит Брейдаблик стороной. Ему не хочется ни с кем говорить, только бы идти. «А телега-то у Бреде все еще стоит на дворе, пожалуй, так и останется на зиму!» – думает он. Ну да, каждому свое! Вот у

него самого, у Исаака, и телега есть, и навес для нее, а лучше ли ему от этого? Дом у него только наполовину дом, был когда-то целым, а теперь только половина осталась.

Когда среди дня он наконец издала видит свой дом на откосе, на душе у него светлеет, хотя он устал и измучен после двух суток пути: дом стоит как стоял, из трубы вьется дым, оба мальчика играют на дворе; едва завидев его, они бегут ему навстречу. Он входит в избу, в горнице сидят два лопаря, Олина в удивлении встает со скамейки.

– Что это? Ты уж вернулся? – говорит она. Она варит кофе на плите. Кофе? Кофе!

Исаак и раньше замечал: когда к ним приходил Ос-Андерс или другие лопари, Олина варила кофе в маленькой Ингеровой кастрюльке. Она варит его и тогда, когда Исаак работает в лесу или в поле; если же он неожиданно приходит домой и видит это, она молчит. Но он знает, что всякий раз у него становится одним козым сыром или мотком шерсти меньше. И потому у него хватает мудрости не поднимать руку на Олину за ее низость. В общем, Исаак старается быть все добрее и добрее, ради чего бы он это ни делал – то ли ради мира в доме, то ли в надежде, что Бог за это скорее возвратит ему Ингер. Он склонен к раздумьям и предрассудкам, даже его крестьянское лукавство искренне и простодушно. Осенью оказалось, что дерноватая крыша в конюшне начала протекать над лошадью; Исаак пожевал-пожевал свою железную бороду, а потом улыбнулся, словно сообразив, в чем штука, и заложил крышу тесинами. У него не вырвалось ни одного сердитого слова. Другой пример: кладовая, в которой он держал съестные припасы, стояла на высоких каменных подпорках по углам. Мелкие птицы залетали в нее сквозь большие отверстия в каменной кладке и метались, не находя выхода. Олина жаловалась, что воробьи клюют провизию, портят и пачкают сало. Исаак сказал:

– Плохо, что птицы залетают, а вылететь не могут! – И в разгар спешной работы наломал камней и заложил отверстия.

Бог знает, что он думал при этом, может, надеялся, что Ингер скорее вернется к нему, если он будет совершать добрые поступки.

IX

Годы идут.

Опять приехал в Селланро инженер с бригадиром и двумя рабочими, и опять они собирались вести через горы телеграфную линию. Судя по всему, теперь линия пройдет чуть выше усадьбы, в лесу предполагалось прорубить широкую просеку, ну что ж, это неплохо, здесь станет не так пустынно, мир ярким светом ворвался и сюда.

Инженер сказал:

– Тут будет центральный пункт между двух долин, тебе, может быть, предложат надзор за линией по обе стороны.

– Так, – сказал Исаак.

– Получать будешь двадцать пять далеров в год.

– Так, – сказал Исаак, – а что мне за это придется делать?

– Держать линию в порядке, чинить провода, если они порвутся, корчевать кусты, которые растут на линии. У тебя на стене будет висеть маленькая машинка, которая показывает, когда надо выходить на линию. И тогда бросай все свои занятия и иди.

Исаак призадумался.

– Я мог бы взять эту работу на зиму, – сказал он.

– На весь год, – возразил инженер, – разумеется, на весь год, и на зиму и на лето.

Исаак заявил:

– Весной, летом и осенью у меня полно работы на земле, ни на что другое времени нет.

Инженер добрую минуту смотрел на него, а после задал удивительный вопрос:

– Да разве ты на этом больше выгадаешь?

– Выгадаю? – переспросил Исаак.

– Разве ты больше заработаешь на земле за те дни, когда будешь обходить линию?

– Вот уж этого я не знаю, – ответил Исаак. – Только ведь живу-то я здесь ради земли. У меня большая семья, много скотины, всех надо прокормить. Мы живем землей.

– Ну что ж, – сказал инженер, – я могу предложить это место кому-нибудь другому.

Угроза эта, видимо, принесла Исааку большое облегчение, ему вовсе не хотелось обижать важного барина, и он поспешил объяснить:

– У меня ведь лошадь и пять коров, да еще бык. Два десятка овец и шестнадцать коз. Скотина дает нам пищу, и шерсть, и кожи, надо же ее кормить.

– Ясно, – коротко кивнул инженер.

– Да-да. Вот я и не знаю, как добуду ей корм, если в самую страду придется за телеграфом смотреть.

Инженер сказал:

– Не будем больше говорить об этом. Поручим надзор вашему соседу, Бреде Ольсену, он, наверное, с радостью согласится. – Инженер повернулся к своим спутникам. – Идемте дальше, ребята!

Олина по тону разговора верно поняла, что Исаак заупрямился, сделал глупость, и обрадовалась.

– Что это ты сказал, Исаак: шестнадцать коз? А ведь их сейчас только пятнадцать.

Исаак посмотрел на нее. И Олина тоже посмотрела прямо ему в глаза.

– Разве коз не шестнадцать? – спросил он.

– Нет, – ответила она и беспомощно взглянула на присутствующих, как бы подчеркивая его бестолковость.

– Так, – тихонько протянул Исаак. Он закусил зубами бороду и стал грызть ее.

Инженер и его спутники ушли.

Вздумай Исаак выразить Олине свое неудовольствие или, чего доброго, искалечить ее, то ему представлялся удобный случай, о, замечательный случай, они были в горнице одни, мальчишки побежали провожать приезжих. Исаак стоял посреди комнаты, Олина сидела возле печки. Исаак дважды откашлялся, показывая, что собирается заговорить. Но он молчал, проявив этим свою душевную силу. Неужто он не знает собственных коз как свои пять пальцев? С ума сошла эта баба, что ли! И как это может пропасть из хлева хоть одна животина, когда он самолично ухаживает за ними и ежедневно со всеми разговаривает, со всеми шестнадцатью козами наперечет! Значит, Олина наверняка стащила одну козу, когда вчера сюда приходила женщина из Брейдаблика.

– Гм! – сказал Исаак, едва удерживаясь от искушения сказать что-нибудь еще. Что же сделала Олина? Может, и не прямое убийство, но не очень далеко от того. Для Исаака пропажа шестнадцатой козы была вопросом страшной серьезности.

Но не мог же он век стоять посреди горницы и молчать. Вот он и сказал:

– Гм. Так сейчас всего пятнадцать коз?

– Да, – кротко ответила Олина. – Посчитай сам, у меня больше пятнадцати не набирается.

Вот теперь, в эту самую минуту, он смог бы это сделать: протянуть руку и значительно изменить фигуру Олины одним хорошим тычком. Мог. Но не стал, а вместо этого храбро произнес, идя к двери:

– Сейчас я больше ничего не скажу! – И с этими словами вышел из комнаты с таким видом, как будто в следующий раз за этим дело не станет.

– Элесеус! – крикнул он.

Где Элесеус, куда подевались оба парнишки? Отец хотел обратиться к ним с вопросом, они уже большие мальчишки, могли видеть, что делается в доме. Он обнаружил их под овином,

они забились в самую глубину, снаружи их не видать, и выдали себя лишь боязливым шепотом. И вот они выползли на свет, словно два преступника.

Оказалось, что Элесеус нашел огрызок цветного карандаша, забытый инженером, а когда побежал отдать его, взрослые, широко шагавшие мужчины, были уже далеко в лесу; Элесеус остановился. У него явилась мысль, что, пожалуй, недурно бы оставить карандаш себе. Он кликнул маленького Сиверта, чтоб вместе решить это дело, и оба заползли со своей добычей под овин. Ну что за карандашик! – замечательное событие в их жизни, просто чудо! Они набрали щепок и исписали их значками, а карандаш писал с одного конца красным, с другого – синим; ребяташки писали поочередно. Когда отец стал настойчиво и громко звать их, Элесеус прошептал:

– Небось вернулись за карандашом! – Радость сразу померкла, ее точно вымело из души, их маленькие сердечки сильно забились, застучали. Братья выползли наружу. Элесеус протянул отцу руку с карандашом: вот он, они его не сломали, но лучше бы он никогда не попадался им на глаза!

Никакого инженера во дворе не оказалось. Сердца их опять успокоились, после пережитого волнения они вновь ощутили райское блаженство.

– Здесь вчера была женщина, – сказал отец.

– Да, а что?

– Соседка снизу. Вы видали, как она уходила?

– Да-а!

– Была с ней коза?

– Нет, – сказали мальчики. – Коза?

– С ней была коза, когда она уходила домой?

– Нет. Какая коза?

Исаак погрузился в размышления.

Вечером, когда скотина вернулась с пастбища, он пересчитал коз, их оказалось шестнадцать. Он пересчитал их снова, он пересчитывал их пять раз – коз было шестнадцать. Ни одна не пропала.

Исаак вздохнул с облегчением. Как же это понимать? Олина, тварь этакая, должно быть, не умеет считать до шестнадцати.

Он с досадой сказал ей:

– Что ты болтаешь и путаешь, ведь коз-то шестнадцать!

– Разве шестнадцать? – невинно спросила она.

– Да.

– Ну-у. Так, так.

– Нечего сказать, хорошо ты считаешь!

Олина ответила тихо и обиженно:

– Раз все козы налицо, значит, слава богу, Олина ни одной не съела. Я рада за нее!

Она удивила его этой загадкой и успокоила. Больше он скотину не пересчитывал, ему даже в голову не пришло пересчитать овец. Выходит, Олина вовсе не так уж плоха; как-никак она ведет его дом и хозяйство, ходит за его скотиной, она просто очень глупа и вредит только самой себе, а не ему. Бог с ней, пусть живет, что с нее взять. Но серой и безрадостной казалась жизнь Исааку.

Прошли годы. На крыше избы выросла трава, даже крыша овина, которая была на несколько лет моложе, стояла зеленая. Лесные мыши давно уже пробрались в кладовую. На хуторе развелось много синиц и других мелких птишек, на бугре жили тетерки, налетели даже грачи и вороны. А самое удивительное случилось прошлым летом: вдруг прилетели чайки с побережья, прилетели за много миль с моря и опустились на землю, на этом участке в глуши! Вот какую известность приобрел на белом свете хуторок! А как по-вашему, какие мысли заше-

велились у Элесеуса и маленького Сиверта, когда они увидели чаек? Птицы были незнакомые, из далеких-далеких краев, их было немного, но все-таки шесть штук, беленькие, одна в одну, они расхаживали пешочком по земле, изредка пощипывая травку.

– Отец, зачем они сюда прилетели? – спросили ребяташки.

– Оттого, что почуяли на море грозу, – отвечал отец.

Вот ведь какие они загадочные и непонятные, эти чайки!

А сколько других полезных и хороших знаний преподавал Исаак своим детям. Они уже настолько выросли, что пора было отдать их в школу, но школа находилась за много миль в селе, и до нее было не добраться. Исаак сам учил мальчиков азбуке по воскресеньям, за большим он и не гнался, нет, этот прирожденный землепашец за наукой не гнался, поэтому катехизис и священная история покойненько лежали на полке, рядом с козьими сырами. Исаак, должно быть, полагал, что книжная неученость составляет до известной степени силу человека, и потому предоставлял детям расти свободно. Оба они были его радостью и благословением; Исаак часто вспоминал, какие они были крошечные и как мать не позволяла ему брать их на руки, потому что руки у него в смоле. Ха, смола, что может быть чище ее? Деготь, козье молоко или, скажем, костный мозг тоже здоровые и превосходные вещи, но смола, сосновая смола – тут и толковать не о чем!

И вот дети блаженствовали, живя в грязи и невежестве, но в редкие дни, когда им случалось помыться, они были прехорошенькие, а маленький Сиверт был еще и крепыш. Элесеус, тот вышел потоньше и посерьезнее.

– А откуда чайкам знать, что собирается гроза? – спросил он.

– Они чувствуют погоду, – отвечал отец. – Но уж если на то пошло, никто так не чувствует погоду, как муха, – сказал он. – Бог ее знает, что с ней делается в непогоду, ревматизм, что ли, разыгрывается, или головокружение начинается, или еще что. И муху никогда не надо отгонять, а то она еще хуже пристанет, – сказал он. – Запомните, ребяташки. Овод – тот другого нрава, он сам помирает. Овод, он так: появится ни с того ни с сего в какой-нибудь день летом, потом так же ни с того ни с сего и пропадет.

– Куда же он девается? – спросил Элесеус.

– Куда девается? Сало в нем свернется, он упадет и не может подняться!

Каждый день приносил им новые познания: прыгая с высоких камней, язык надо отводить подальше в рот, а не держать между зубами. Когда они вырастут и захотят, чтоб в церкви от них хорошо пахло, пусть потрут листком пижмы, что растет на бугре. Отец был полон премудрости. Он рассказывал детям про камни и про кремь, про то, что белый камень тверже серого; когда же он нашел кремь, пришлось разыскать губу – нарост на дереве, – сварить ее в щелоке и сделать трут. А уж потом он высек детям из кремня огонь. Он учил их и про луну: когда ее можно взять левой рукой, она, стало быть, на прибыли, а когда можно взять правой рукой – на ущербе, – запомните, ребяташки! Изредка случалось, что Исаак заносился чересчур высоко и говорил мудреные, непонятные слова: так однажды он принялся разглагольствовать насчет того, что верблюду труднее попасть на небо, чем человеку пролезть в игольное ушко. В другой раз, поучая их о славе ангелов, он сказал, что каблуки у них подбиты звездами вместо сапожных гвоздей. Школьный учитель в селе, наверное, посмеялся бы над незлобивой и простодушной наукой, удовлетворявшей хуторян, но фантазии детей Исаака она давала крепкую и здоровую пищу. Они воспитывались и образовывались для своего собственного тесного мира – что же могло быть лучше? Осенью, когда кололи скотину, мальчики преисполнялись любопытства, страха и печали за животных, которых ожидала смерть. Исаак держал животину одной рукой, а другой – закалывал, Олина же спускала кровь. Вот из хлева вывели старого козла, такого умного и бородатого, ребяташки стояли в уголке и смотрели.

– Чертовски холодный нынче ветер, – сказал Элесеус, высморкался пальцами и вытер глаза.

Маленький Сиверт не стал скрывать слез и, не в силах сдержаться, закричал:

– Ой, бедненький старенький козлик!

Когда козла закололи, Исаак подошел к детям и преподал им следующее наставление:

– Никогда не надо жалеть вслух убойную скотину. Она от этого только труднее помирает.

Запомните!

Так шли годы, и вот снова наступила весна.

Ингер опять прислала письмо, что живет ей хорошо и она многому научилась в тюрьме. Девчоночка уже большая, и зовут ее Леопольдина, по тому дню, в какой она родилась, пятнадцатого ноября. Она все умеет делать, особенно же мастерица на вязанье и шитье, замечательно это у нее выходит, и по материи, и по канве.

Удивительнее всего в этом последнем письме было то, что Ингер написала его сама. Исаак на эти дела был не мастер, ему пришлось сходить в село к торговцу, чтобы тот прочитал ему письмо; но уж после этого письмо накрепко засело у него в голове, и, придя домой, он знал его наизусть.

И вот он с величайшей торжественностью сел за стол, разложил перед собой письмо и стал читать его детям. Пусть Олина увидит, что он умеет читать по писаному, – впрочем, к ней он не обратился ни с одним словом. Кончив читать, он сказал:

– Ну вот, слышите, Элесеус и Сиверт, ваша мать сама написала это письмо и научилась делать столько разных вещей. А маленькая сестричка ваша знает больше, чем все мы, вместе взятые. Запомните!

Дети сидели и молча дивились.

– Вот это знатно! – промолвила Олина.

Что она хотела сказать? Уж не сомневалась ли в правдивости Ингер? Или не доверяла его чтению? Не стоит допытываться настоящего мнения Олины, сидевшей с кротким выражением на лице и говорившей загадками. Исаак решил не обращать на нее внимания.

– А когда ваша мама вернется домой, вы тоже научитесь писать, – сказал он мальчикам.

Олина перевесила одежду, сушившуюся у печки, переставила котел, опять перевесила одежду. И все время сосредоточенно о чем-то думала.

– Раз уж у вас здесь в лесу пошло такое знатное житье, ты бы принес в дом полфунта кофейку, – сказала она Исааку.

– Кофейку? – невольно вырвалось у Исаака.

Олина спокойно ответила:

– До сих пор я сама покупала понемножку на собственные деньги.

Кофе, который был для Исаака все равно что мечта, сказка, радуга! Олина, понятно, пустословила, он не сердился на нее; но в конце концов он задним числом вспомнил Олинины проделки с лопарями и сказал с досадой:

– Это чтоб я-то покупал тебе кофе! Да никак ты сказала, полфунта? Говорила бы уж – фунт. Этого еще недоставало!

– Будет тебе, Исаак! У брата моего Нильса пьют кофе, и у соседа Бреде в Брейдаблике тоже.

– Да, оттого, что у них нет молока, и в помине не водится.

– Уж как там ни на есть. А только раз уж ты такой ученый и читаешь по писаному без запиночки – так ты должен знать, что кофе пьют в каждом доме.

– Тварь! – сказал Исаак.

Олина опустила на лавку, отнюдь не собираясь молчать.

– А что до Ингер, – сказала она, – раз уж я осмеливаюсь вымолвить такое святое слово...

– Можешь говорить что хочешь. Мне все равно.

– Она вернется домой и всему научилась. Чего доброго, завела себе жемчужное ожерелье и шляпку с перьями?

– Да уж наверное.

– Ну что ж, – сказала Олина, – так пусть тогда хоть немножко отблагодарит меня за все, чего достигла.

– Тебя? – спросил Исаак. Он был в недоуменье.

Олина смиренно ответила:

– Потому что это я, в меру слабых сил своих, помогла выпроводить ее отсюда.

Исаак в ответ не мог вымолвить ни звука, все слова замерли у него на языке, он только сидел, уставясь в одну точку. Уж не ослышался ли он? Олина же сидела как ни в чем не бывало. Да, в словесном бою Исаак явно терпел поражение.

Он вышел, потемнев лицом. Олина, эта тварь, питающаяся злобой и жиреющая от нее. «Эх, жалко, я не убил ее в первый же год! – подумал он и сам себя испугался. – Вот был бы молодец-то», – продолжал он думать. Молодец – он? Ничего страшнее нельзя себе и представить.

И тут происходит нечто в высшей степени забавное: он идет в хлев и считает коз. Они стоят, рядом с ними их козлята, и все налицо. Он считает коров, свинью, четырнадцать кур, двух телят.

– А про овец-то я и позабыл! – говорит он себе вслух, пересчитывая овец, и делает вид, будто ему очень важно узнать, все ли овцы целы. Исаак отлично знает, что одна овца исчезла, знает давно, зачем же разыгрывать комедию? А произошло вот что: Олина в свое время сбила его с толку, наврав, будто пропала коза, хотя козы были все целы; он тогда разбушевался, но что проку? Он никогда ничего не добивался в спорах с Олиной. Осенью, собираясь колоть скотину, он сразу заметил, что одной суягной овцы нету, но у него не хватило храбрости тогда же потребовать от Олины отчета. Не собрался он и позже.

Но сегодня он мрачен, Исаак мрачен, Олина донельзя взбесила его. Он опять считает овец, тычет указательным пальцем в каждую овцу и считает вслух – пусть Олина послушает, если стоит за дверью. И громко говорит разные скверные вещи про Олину: надо же, придумала совсем новый способ кормить овец, да такой, что одна суягная овца и вовсе пропала, вот какая дармоедка и воровка! О, пусть себе Олина стоит за дверью, пусть как следует наберется страху.

Он выходит из хлева, идет в конюшню и считает лошадь, оттуда направляется к дому – он пойдет домой и все ей скажет! Но Олина, должно быть, заметила кое-что в окошко, она тихонько выходит из дверей и, держа в руках лоханку, семенит к хлеву.

– Куда ты девала лопухую суягную овцу? – спрашивает Исаак.

– Суягную овцу? – переспрашивает Олина.

– Будь она на месте, у нее было бы теперь два ягненка, куда ты их девала? Она всегда приносила по два ягненка. Стало быть, я из-за тебя потерял трех овец, понятно?

Олина стоит пораженная, уничтоженная обвинением, она качает головой, ноги точно тают под ней, так что она того и гляди упадет и расшибется. Голова ее все это время лихорадочно работает, изворотливость всегда выручала ее, всегда приносила ей барыш, не изменит она ей и теперь.

– Я краду коз, и я краду овец, – тихо говорит она. – Вот только не знаю, что я с ними делаю? Съедаю, наверно.

– Да уж черт тебя знает, что ты с ними делаешь.

– Стало быть, ты так плохо кормишь меня, Исаак, что мне ничего не остается, как красть? Но я хоть в глаза, хоть за глаза скажу, что за все эти годы мне не было нужды красть.

– А куда же ты девала овцу? Ос-Андерсу отдала, что ли?

– Ос-Андерсу! – Олина ставит наземь лоханку и молитвенно складывает руки. – Да спаси меня Господь от греха! О какой овце с ягненком ты толкуешь? Не о яловой ли козе, еще лопухая такая?

– Тварь! – бросает Исаак и поворачивается уходить.

– Ну не чудак ли ты, Исаак! Всего-то у тебя вдоволь, и скотины во дворе, что звезд на небе, а тебе все мало! Почем я знаю, какую овцу и каких двух ягнят ты с меня спрашиваешь? Благодарил бы лучше Бога за Его милосердие до тысячного колена. Вот пройдет лето да самая малость зимы, и опять овцы пойдут ягниться, и у тебя станет втрое больше, чем сейчас!

Ох уж эта Олина!

Исаак уходит, ворча, словно медведь. «И болван же я был, что не убил ее в тот первый день! – думает он, по-всякому ругая себя. – Вот простофиля-то, дурак эдакий! Ну да и сейчас еще не поздно, только подожди, только зайди в хлев! Нынче вечером, пожалуй, уж не стоит с ней возиться, а завтра посмотрим. Три овцы пропали! Говорит – кофейку!»

Х

На следующий день произошло весьма крупное событие: на хутор явились гости, явился Гейслер. Болота еще не просохли, но Гейслер не обращал внимания на дорогу, он пришел пешком, в богатейших сапогах с длинными голенищами и широкими лакированными отворотами; перчатки на нем были желтые, а сам он – страсть какой нарядный; человек из села нес его багаж.

Пришел он, собственно, затем, чтоб купить у Исаака горный участок, медную жилу, – какую им назначить за нее цену? А кстати, принес и поклон от Ингер – молодец баба, все ее там полюбили; он приехал из Тронхейма и сам говорил с ней.

– Ну, Исаак, много же ты здесь наработал!

– Да не без того. Так вы говорили с Ингер?

– Что это там у тебя? Ты поставил мельницу и сам мелешь себе муку? Великолепно. А целины-то сколько поднял с тех пор, что я здесь не был.

– Так с ней все благополучно?

– Да, благополучно. С твоей женой-то? Сейчас расскажу! Пойдем в клеть.

– Нет, там не прибрано! – говорит Олина, по многим причинам не желая их туда пускать.

Они вошли в клеть и затворили за собой дверь, Олина осталась в горнице, так ничего и не услышав.

Ленсман Гейслер сел, хлопнул себя изо всех сил по коленкам и стал решать Исаакову судьбу.

– Надеюсь, ты еще не продал свою медную скалу? – спросил он.

– Нет.

– Отлично. Я покупаю ее. С Ингер я говорил, и не с ней одной. Ее, наверное, скоро освободят, дело сейчас у короля.

– У короля!

– У короля. Я был у твоей жены, разумеется, меня пустили без всяких затруднений, мы долго разговаривали: «Ну, Ингер, говорю, ведь ты хорошо поживаешь, вправду хорошо?» – «Да, пожаловаться не на что». – «А по дому скучаешь?» – «Да уж не без того». – «Ты скоро попадешь домой», – говорю. И вот что я скажу тебе, Исаак, она молодец баба, никаких слез, наоборот, она улыбалась и смеялась, – кстати, ей сделали операцию и теперь у нее нормальный рот. «Прощай, – сказал я ей, – ты здесь недолго останешься, вот тебе мое слово!»

Я пошел к директору, еще бы доставало, чтоб он меня не принял! «У вас, – говорю, – есть тут одна женщина, которую надо выпустить и поскорее отправить домой, Ингер Селланро». – «Ингер? – сказал он. – Да, хорошая женщина, я, – говорит, – был бы рад оставить ее еще на двадцать лет». – «Ну, из этого ничего не выйдет, – сказал я, – она и так пробыла у вас чересчур долго». – «Чересчур долго? – спросил он. – Разве вы знаете ее дело?» – «Я знаю дело как нельзя лучше, – отвечал я, – я был у них ленсманом». – «Пожалуйста, садитесь, – сказал он тогда (еще бы!). – Мы стараемся сделать, что можно, для Ингер и ее девочки, – сказал директор. – Так она, стало быть, из ваших мест? Мы помогли ей приобрести швейную

машину, сделали помощницей заведующей мастерской и многому научили ее: домоводству, ткацкому ремеслу, красильному, шитью, кройке. Так вы говорите, она пробыла здесь слишком долго?» У меня был готов на это ответ, но я решил подождать и сказал только: «Да, дело ее велось неправильно, оно должно быть пересмотрено; теперь, после пересмотра уголовного уложения, ее, может быть, и совсем оправдали бы. Ей послали зайца, когда она была беременна». – «Зайца?» – спросил директор. «Зайца, – ответил я, – и ребенок родился с заячьей губой». Директор улыбнулся и сказал: «Ах вот как. И вы полагаете, что на этот момент было обращено недостаточно внимания?» – «Да, – сказал я, – об этом моменте совсем даже и не упоминалось». – «Но ведь это не так уж и важно?» – «Для нее это оказалось довольно важно». – «Неужели вы думаете, что заяц может творить чудеса?» – спросил он. Я отвечал: «Может ли заяц творить чудеса или нет, об этом я с господином директором спорить не стану. Вопрос в том, какое влияние мог оказать вид зайца при данных обстоятельствах на женщину с заячьей губой – на жертву». Он подумал с минуту, потом сказал: «Да, но наше дело здесь только принять приговоренных, мы не проверяем приговор. Согласно приговору, Ингер пробыла у нас не дольше, чем полагалось».

Тут я заговорил о чем следовало: «В самом приговоре о заключении Ингер Селланро допущена ошибка». – «Ошибка?» – «Во-первых, ее не следовало увозить в том состоянии, в каком она находилась». Директор удивленно посмотрел на меня. «Ах, так, – сказал он. – Однако ведь не нам же, в тюрьме, разбирать это». – «Во-вторых, – сказал я, – она не должна была целых два месяца отбывать наказание в полной мере, пока тюремное начальство не обнаружило ее состояние». Это попало в точку, директор молчал долго. «У вас есть доверенность на ведение дела этой женщины?» – спросил он. «Да», – сказал я. «Как я уже говорил, мы довольны Ингер и обращаемся с нею соответственно, – заговорил директор и опять стал перечислять, чему они ее научили. – Мы, – говорит, – научили ее даже читать и писать». И дочку ее тоже, мол, пристроили у кого-то, и так далее. Я разъяснил, какова обстановка в семье Ингер; двое малышей, наемная работница для ухода за ними и так далее. «У меня есть заявление от ее мужа, – сказал я, – оно будет приложено или к заявлению о пересмотре дела, или к ходатайству о помиловании». – «Я бы хотел взглянуть на это заявление», – сказал директор. «Я принесу его завтра в присутственные часы», – ответил я.

Исаак сидел и слушал, это было поразительно, какое-то приключение, случившееся в чужом краю. Он глаз не отрывал от губ Гейслера.

Гейслер продолжал рассказывать:

– Я пошел к себе в гостиницу и написал заявление, как будто от тебя, и подписался: Исаак Селланро. Но ты не думай, будто я написал хоть одно слово насчет того, что они неправильно поступали в тюрьме. Даже и не намекнул. На следующий день я отнес документ. «Пожалуйста, садитесь!» – сейчас же сказал директор. Прочитал мое заявление, изредка кивая головой, и в конце концов сказал: «Прекрасно. Но для пересмотра дела оно не годится». – «Годится, вместе с дополнительным заявлением, которое у меня тоже есть», – сказал я и опять попал в точку. Директор поспешно сказал: «Я со вчерашнего дня все думаю об этом деле и нахожу достаточно оснований для возбуждения ходатайства за Ингер». – «Которое вы, господин директор при случае поддержите?» – спросил я. «Я дам отзыв, хороший отзыв». Тогда я поклонился и сказал: «В таком случае помилование обеспечено. Благодарю вас от имени несчастного мужа и покинутой семьи». – «Я думаю, нам незачем запрашивать дополнительные сведения из ее родных мест, – сказал директор, – вы ведь все знаете?» Я отлично понял, почему ему было важно, чтобы все происходило, так сказать, втихомолку, и ответил: «Сведения с места только затянут вопрос». Вот тебе и вся история, Исаак. – Гейслер посмотрел на часы. – А теперь к делу! Ты можешь проводить меня к медной скале?

Исаак, камень и чурбан по натуре, не мог так мгновенно поменять тему разговора и, весь полный мыслей и изумления, снова принялся за расспросы. Он услышал, что ходатайство

направлено королю и будет рассматриваться на одном из ближайших заседаний государственного совета.

– Чудеса! – проговорил он.

Они отправились в горы, Гейслер, его провожатый и Исаак, и пробыли там несколько часов; за это короткое время Гейслер прошел по ходу медной жилы, прихватил еще порядочный кусок и наметил вехами границы участка, который собирался купить. Он был торопыга. Но отнюдь не дурак, быстрые суждения его были на редкость уверенны.

Вернувшись на хутор – опять с мешком образцов, – он достал письменные принадлежности и сел писать. Но занимался не только писанием, а по временам и болтал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.